

Красавиц мертвых локоны золотые

Автор:

[Алан Брэдли](#)

Красавиц мертвых локоны золотые

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс #10

После череды трагических событий в семье де Люс наконец случилась радость. Да, старшая сестра Офелия выходит замуж, изрядно помотав нервы своему избраннику и окружающим. Флавия считает минуты до отъезда молодоженов и предвкушает, как в поместье Букшоу наступит относительный покой, а сама она с головой погрузится в работу детективного агентства «Артур У. Доггер и партнеры. Осторожные расследования».

Однако очаровательное сельское празднество омрачено необъяснимым происшествием – в свадебном торте обнаружен отрубленный палец.

Офелия лежит в обмороке, а Флавия в восторге. Прикарманив палец тайком от полиции, она вместе с Доггером активно берется за расследование. Вскоре после этого их нанимает некая миссис Прилл, чтобы найти похищенные письма, и новоиспеченные детективы просто не знают, за что хвататься. Но что если в этот раз они наткнулись на дело, которое им не по зубам?

Алан Брэдли

Красавиц мертвых локоны золотые

Alan Bradley

THE GOLDEN TRESSES OF THE DEAD

Серия «Флавия де Люс ведет расследование»

Впервые опубликовано Delacorte Press, New York, NY под названием «The Golden Tresses of the Dead»

Печатается с разрешения Amadeus Enterprises Limited при содействии The Bukowski Agency Ltd., Toronto и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Елены Измайловой

Перевод стихотворений Михаила Савченко

Дизайн обложки и макета Екатерины Елькиной

© Alan Bradley, 2018

©Amadeus Enterprises Limited, 2019

© Измайлова Е., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ширли с любовью – первой, последней и вечной

Его чело – свидетельство времен,
Когда краса жила и увядала
Цветам подобно, и ее канон
Не знал искусственного материала;

И золотые кудри мертвецов,
Гробам принадлежащие по праву,
Не шли на производство париков,
Вторично голове составив славу.

В нем прелесть явствует тех давних лет,
Когда была краса собой одета,
Когда никто чужой зеленый цвет
Не мог пустить на собственное лето.

Его для нас Природа сберегла,
Чтоб показать, какой краса была.[1 - Здесь и далее стихи в переводе
М. Савченко, если не указано иное.]

У. Шекспир, сонет 68

1

Сразу хочу заметить, что я девочка с весьма незаурядным умом. Некоторые люди обладают одним и зачастую выдающимся талантом (например, у Вайолет Корниш есть необыкновенная способность пускать ветры на мотив «Радуйся, мир!»[2 - Церковный гимн.]), а я благословлена умением мыслить логически. Как может подтвердить Вайолет, с талантом ты рождаешься и совершенствуешь его путем упорных тренировок.

Многочисленные случаи, когда ко мне обращались за консультацией полицейские, обострили мои и без того мощные дедуктивные навыки до такой степени, что мне ничего не оставалось, кроме как стать профессионалом. Поэтому вместе с Доггером, камердинером моего покойного отца, садовником и человеком разнообразных знаний, я основала небольшое агентство, которому мы дали респектабельное название «Артур У. Доггер и партнеры».

Мы и предположить не могли, что первое дело будет настолько тесно связано с нашим домом.

Но я забегаю вперед. Начнем с начала.

Свадьба моей сестрицы Офелии была немного подпорчена хриплым криком «Хубба-дубба, диньг-динг, двадцать лет в Синг-Синг[3 - Воистину подпорчена. Синг-Синг – это американская тюрьма особо строгого режима. Нетрудно догадаться, на что намекает отвергнутый поклонник Фели.]!» Нарушителем оказался Карл Пендрака, один из бывших ухажеров Фели. Его выдал цинциннатский акцент.

Мы все сделали вид, будто ничего не услышали. Только моя гнусная круглолицая кузина Ундина жутко захихикала: примерно такие же звуки могла бы издавать орда каннибалов.

Но более вопиющий случай произошел через несколько секунд, когда викарий обратился к прихожанам:

– Если кому-то известна хотя бы одна причина, по которой эти двое не могут быть соединены по закону, пусть он скажет об этом сейчас или молчит вечно.

Внезапно резной ангел пискляво завопил со своего насеста на потолочной балке:

– Я знаю! Я знаю! Вызовите полицию!

Разумеется, это была Ундина, заскучавшая от нехватки внимания к своей персоне и решившая попрактиковать навык чрево вещания, который она уже какое-то время тренировала по дешевой книжке.

Если не считать эти мелочи и человеческие останки, праздник был прекрасным.

Подготовка началась задолго до события. Сначала был торт.

– Свадебный торт надо планировать как минимум за шесть месяцев до, – объявила миссис Мюллет, размахивая деревянной ложкой, испачканной маслом. – Иначе свадьба будет отравлена.

Упоминание об отравлении сразу же привлекло мое внимание.

– Что значит отравлена? – переспросила я.

– Самым ужасным ядом. Это ядовитая привычка оставлять все на последний момент. Возьми, например, эту Люси Хейверс. Вот что значит дразнить дьявола! Дотянула до самой свадьбы, и ей пришлось заказывать торт в магазине Банни в Хинли. И что с ней стало!

Я вопросительно выгнула брови.

– Ее муж, из этих самых Симмонсов, вот он кто, сбежал с женщиной из Банни на следующий день после возвращения из свадебного путешествия в Гастингс.

– На его месте я бы сбежала с яблочным пирогом, – заметила я, делая вид, что не до конца поняла (прием, который я ловко использую, оберегая свою предполагаемую невинность).

Миссис Мюллет улыбнулась в ответ на мою скромность.

– Короче, свадебный торт надо готовить за шесть месяцев и хранить в погребе до времени, – сказала она, возвращаясь к теме.

Миссис Мюллет бывает поистине бездонным источником информации, если ее не перебивать, так что я подтащила к себе стул и приготовилась слушать.

– Это как закладка военного корабля, – продолжила она. – Нельзя оставлять судно без присмотра, когда враг поблизости.

– Кто враг? – поинтересовалась я. – Жених?

Миссис Мюллет приложила указательный палец к носу старинным жестом, означающим тайну.

– Каждая женщина должна выяснить это сама, – ответила она, постукивая пальцем по носу и производя жутковатый звук.

Она понизила голос:

– И пока она это делает, ей нужны все возможные чары, чтобы уберечься от духов.

От духов? Интересненько. Сначала яды, а теперь злобные сверхъестественные существа. И еще нет даже десяти утра!

Миссис Мюллет выскребала масло из кувшина на большой противень.

– Давайте я вам помогу, – предложила я, потянувшись к духовке.

– Пока рано, – на удивление резко возразила миссис Мюллет. – Все надо делать по порядку. Сначала подбрось щепок в огонь. Вон там, в корзине.

Она махнула ложкой в угол, как будто я не вижу, где их брать.

Рядом с плитой стояла плетеная корзина, наполовину заполненная ветками и прутьями.

– Налей немного воды в раковину, – добавила миссис Мюллет. – Они должны быть влажными.

Я сделала, что велено.

– Чтобы образовался пар? – спросила я, размышляя, как пар из топки попадет в печку.

– Что-то вроде того, – ответила миссис Мюллет, когда я открыла заслонку и бросила влажные ветки в огонь. – И кое-что еще.

И снова приложила палец к носу.

– Защита? – догадалась я. – От врага?

– Верно, милочка, – сказала миссис Мюллет. – Орешник и боярышник. Я собрала их своими собственными руками в лесу Джиббет. Осталась еще одна вещь, и можно ставить торт.

Она извлекла из кармана передника связку побегов.

– Розмарин! – воскликнула я. Он растет у нас в огороде.

– Верно, милочка, – повторила миссис Мюллет (теплый, острый аромат травы наполнил кухню). – Чтобы мисс Офелия помнила о доме и о тех, кого она любит. Розмарин в духовке для торта и розмарин в ее букете. А еще он хобгоблинов отгоняет.

– Я думала, розмарин для похорон, – заметила я.

Я помнила это, потому что Даффи вечно цитирует Шекспира.

– Так и есть, милочка. Для похорон и свадеб. Полезная трава, ее всегда надо иметь в доме. Поэтому я выращиваю ее в огороде. Для свадьбы вымочим его в ароматизированной воде и украсим вуаль и букет невесты. На похоронах намочим дождевой водой и бросим в могилу на крышку гроба. – И добавила: – И положим пару веточек в саван. Если он есть, конечно. Сейчас-то мало у кого он есть, и гробовщики берут за него отдельные деньги.

– А веточки орешника? – спросила я.

– Это для потомства, – сказала она, внезапно посерьезнев.

Бедняжка Фели, подумала я. В этот самый момент она наверху в одиночестве давит прыщи и рассматривает себя в ручное серебряное зеркальце, даже не

подозревая, что на кухне повариха определяет ее будущее. Я чуть не испытала приступ жалости к сестре.

– Хватит, больше не надоедай мне вопросами, – сказала миссис Мюллет. – Мне надо испечь еще четыре коржа и приготовить вам всем обед.

– А для чего боярышник? – спросила я, уже зная ответ. Некоторые люди, но не я, верят, что ягоды и цветки боярышника хранят в своем аромате запах великой лондонской чумы. Но я со своим научным складом ума совершенно точно знаю, что плоды этого кустарника содержат значительное количество триметиламина – химического вещества, пахнущего разложением.

– Не важно, – ответила миссис Мюллет. – Не задавай вопросов, и я не буду тебе лгать.

Это ее стандартный ответ на любой вопрос, который имеет отношение к пестикам и тычинкам.

– Спасибо, миссис Мюллет, – жизнерадостно поблагодарила я. – Так я и думала.

И я выскользнула из кухни, пока она не швырнула в меня печеньем.

Как бы то ни было, свадьба – это... скажем так... интересно.

Несмотря на осень, Святой Танкред был украшен экзотическими цветами – ранними нарциссами, гвоздиками и львиным зевом, присланными по такому случаю крестным отцом Фели и близким другом покойного отца Банни Спирлингом с островов Силли. Фели попросила Банни сопровождать ее к алтарю.

– Сопроводил бы он тебя куда-нибудь навсегда, – заметила я, когда она сообщила мне новость.

– Умолкни, гноющаяся киста! – парировала Фели. – С чего ты взяла, что это не навсегда? Может, ты больше никогда меня не увидишь.

– О, ты вернешься, – ответила я. – В жизни есть две вещи, которые всегда возвращаются, – замужняя сестра и вонь из туалета. Откровенно говоря, я

предпочитаю вонь.

Я бросила косой взгляд на Дитера, давая ему понять, что не питаю к нему недобрых чувств. Хороший парень, он и так уже наказан тем, что женится на сущей ведьме.

Однако вернемся к свадьбе...

В последнюю минуту возникла паника, потому что за десять минут до назначенного времени оказалось, что шафер Дитера до сих пор не появился.

- Он придет, - сказал Дитер. - Реджи - честный человек.

- Как Брут? - выстрелила Даффи. Временами она включает свой речевой аппарат, не задействуя мозг.

Реджи Молд - британский пилот, который сбил самолет Дитера, из-за чего после войны Дитер остался в Англии. С тех пор они сдружились и, как все летчики, чувствовали себя частью воздушного братства.

Дитер отвел меня и Даффи в сторону.

- Не удивляйтесь, когда увидите Реджи. Он член клуба морских свинок.

Мы непонимающе уставились на Дитера.

- После того как Реджи сбил меня, его самолет загорелся и упал в Ла-Манш. Реджи получил сильные ожоги. Он провел много времени в госпитале королевы Виктории. Вероятно, вы читали о нем.

Мы покачали головами.

- Доктор МакИндо творил чудеса с пересадкой кожи. - Он нахмурился и добавил: - Но тем не менее...

И Дитер о чем-то задумался.

– Не надо его разглядывать, – уловила я его мысль.

Дитер радостно улыбнулся.

– Именно. А вот и он.

У калитки с пытением затормозил древний зеленый MG. Из салона осторожно выбрался молодой человек и медленно двинулся к нам по церковному двору.

– Талли-хо! – воскликнул он, завидев Дитера.

– Хорридо! – завопил в ответ Дитер.

Я вспомнила, как Дитер рассказывал мне, что Святой Хорридус – покровитель охотников и военных летчиков.

Мужчины обнялись и похлопали друг друга по спине, и я обратила внимание, что Дитер сделал это осторожно.

– Я думал, что покончил с тобой, когда ты первый раз попался мне на глаза, – рассмеялся Реджи. – Но теперь я вернулся, чтобы закончить работенку.

Дитер вежливо засмеялся, как он научился делать с тех пор, как встретил мою сестру.

– Я бы хотел познакомить тебя со своими свояченицами.

Я порадовалась, что он не сказал «будущей».

Хотя меня предупредили, но, когда Реджи повернулся, у меня перехватило дыхание.

Его лицо представляло собой жуткую неподвижную маску из сухой сморщенной бумаги, как будто кто-то покрыл его кожу слоем папье-маше и раскрасил ее красным и белым. Рот – круглая черная дыра.

Только глаза в темных глубоких глазницах жили и лукаво сверкали.

– Очарован, – прокаркал Реджи. Его голос был голосом человека, вдыхавшего огонь. – Вы специалист по Шекспиру, – обратился он к Даффи, протягивая руку.

– Что ж, не совсем, – заговорила она, но Реджи уже повернулся ко мне.

– А вы эксперт по ядам, Флавия. Мы должны поболтать, перед тем как я улечу. – И его голос превратился в жуткое змеиное шипение, от которого кровь свернулась в жилах. – У меня есть зловещие планы в отношении некоторых малозначительных врагов.

Больше ему ничего не надо было говорить. Он покорило мое сердце.

– Волшебник. – Я заулыбалась во весь рот. Это было единственное слово из жаргона военно-воздушных королевских сил, которые я смогла вспомнить.

Потом Дитер представил Реджи тетушке Фелисити, которая, предложив ему сигарету, начала рассказывать сомнительную армейскую шуточку, весьма меня шокировавшую. Но, насколько я поняла, это должно было помочь Реджи почувствовать себя в своей тарелке и дать ему понять, что они с тетушкой – братья по оружию.

Родители Дитера прилетели на свадьбу из Германии. Его отец-издатель и мать-археолог стояли в одиночестве у входа в церковь слишком экзотичные, чтобы жители Бишоп-Лейси могли легко включить их в свои разговоры.

– Дитер, должно быть, научился петь в двадцати тысячах футов над землей, – сказала я.

Они непонимающе уставились на меня.

– У ангелов, – объяснила я, и они от души рассмеялись.

– Мы подумали, что потеряли его из-за Англии, – призналась мать Дитера. – Приятно знать, что кто-то нашел его.

Не уверена, что я точно поняла, что она имела в виду, но мы стояли рядом и светились улыбками.

- Погода в Англии осенью очень похожа на нашу, - заметил отец Дитера, взмахнув рукой. Был чудесный день.

- Да, - сказала я, не имея достаточного международного опыта, чтобы составить свое мнение. - Вы уже бывали здесь?

- О да, - ответил отец Дитера. - Мы с женой сдавали экзамены на бакалавра гуманитарных наук в Оксфорде.

И тут я умолкла.

Тем временем Дитер и Реджи Молд, прогуливаясь среди могил и активно размахивая руками, погрузились в оживленную беседу.

- Давайте пойдем внутрь, - предложила я. - Фели подумает, что мы ее бросили.

И так все началось.

Церковь - замечательное место для свадьбы. В окружении легионов мертвецов, чьи безмолвные кости служат свидетелями всех обещаний у алтаря - данных и нарушенных.

Они все мертвы до единого, даже человек, придумавший правило, что нельзя ставить локти на обеденный стол. Большинство из них принесли свои обеты у этого самого алтаря, и каждый из них со временем превратился в желе... а потом в пыль.

Как однажды сказала Даффи, латинское слово *carnarium* означает одновременно кладбище и кладовую, что говорит о том, что римляне были разумными ребятами. Функция кладбища - и в некоторой степени церкви тоже - переваривать мертвых. Нет смысла притворяться, что это не так.

После шокирующей чревовещательной выходки Ундины церемония шла относительно гладко. Фели, хоть мне и больно это говорить, была великолепна в

свадебном платье, принадлежавшем нашей покойной матери Харриет. Я вздрогнула.

Когда все нужные слова были сказаны, обмен кольцами и клятвами произошел и подписи были поставлены в приходском журнале, викарий Дэнвин Ричардсон поднял руку, давая знак всем оставаться на местах.

– Перед тем как выйти из церкви навстречу новой супружеской жизни, мистер и миссис Шранц, – произнес он, – приготовили маленький подарок в благодарность каждому из вас. Всем, кто прибыл издалека или из ближних мест, чтобы разделить вместе с ними этот счастливый день.

Мне потребовалась секунда, чтобы осознать, что мистер и миссис Шранц – это Дитер и Фели, которые уже шли по направлению к роялю, который рано утром доставили сюда из Букшоу.

Краснеющая Фели в пышном белом платье и вуали раздраженно, по своему обыкновению, начала регулировать высоту стула, вращая его взад-вперед, пока он не пришел в соответствие со строгими требованиями ее привередливой задней части. Наконец она уселась и подняла крышку.

Повисло долгое выжидательное молчание, а потом ее руки опустились на клавиатуру, и она заиграла.

Серия нисходящих аккордов слилась в по-детски простую мелодию.

Дитер неподвижно стоял перед роялем, который в свете, падающем сквозь витражные окна, по моему мнению, поразительно напоминал полированный черный гроб. Положил руку на лацкан сюртука и запел по-немецки:

– Fremd bin ich eingezogen...

Gute Nacht из цикла песен Winterreise[4 - Gute Nacht – «Доброй ночи», Winterreise – «Зимний путь» (пер. с нем.)]. Я сразу же узнала романс Франца Шуберта. Его песни о любви и тоске были очень популярны в прошлом веке и до сих пор их любили крутить в «Третьей программе Би-би-си».

– Я пришел к вам как незнакомец – так начиналась песня, рассказывающая о влюбленном молодом человеке, стоящем зимним вечером у калитки возлюбленной. Он не осмеливается тревожить ее сны и вместо этого пишет на двери слова «Спокойной ночи», чтобы, проснувшись, она знала, что он думает о ней.

Хотя Даффи мне все подробно объяснила, я так и не поняла и до сих пор не понимаю, почему любовь так ненасытно питается печалью.

Если подумать, Дитер действительно пришел к нам незнакомцем, точнее – военнопленным, но с тех пор его все полюбили. Теперь он такая же часть Бишоп-Лейси, как башня Святого Танкреда. Он решил спеть этот романс на свадьбе, чтобы рассказать о судьбе, которой он счастливо избежал?

От звуков голоса Дитера я задрожала. Его богатый баритон наполнил церковь теплотой, которая заставляет вас поворачиваться к соседу и улыбаться. В моем случае это оказалась жена викария Синтия Ричардсон, утиравшая слезы. Синтия и ее муж пережили трагическую потерю, лишившись своего первого и единственного ребенка, и она, как никто другой, знала печаль, о которой пел Дитер.

Я взглянула Синтии в глаза и подмигнула. Она криво и грустно улыбнулась в ответ.

Мелодия Шуберта вздымалась как лестница в небо. Несмотря на печальные слова, музыка дарила надежду, поднимая нас все выше и выше.

Я с изумлением осознала, что это история моей жизни до сегодняшнего дня, и внезапно мне стало трудно дышать.

Великая музыка действует на людей так же, как цианид, подумала я: парализует дыхательную систему.

Держи себя в руках, Флавия, велела я себе.

Я слышала рассказы, как люди разваливались на части на свадьбах, но никогда не думала, что это может случиться со мной.

Неужели дело в том, что я внезапно осознала: теперь Фели навсегда уедет из Букшоу? Немыслимо.

Мы с ней воевали с тех пор, как она первый раз опрокинула мою коляску. Что я буду без нее делать?

Я повернулась на скамейке и взглянула на Доггера, сидевшего в самом конце, рядом с миссис Мюллет и ее мужем Альфом (в новом костюме с медалями во всю грудь).

Мы пытались уговорить их сесть вместе с семьей, которая теперь состояла из Даффи, меня и, к несчастью, Ундины.

Но Доггер запротестовал.

– Мне будет неловко, мисс Флавия, – сказал он. Увидев мое разочарование, он добавил: – На свадьбах человек должен иметь право быть самим собой, несмотря на всю эту суету.

Я знала, что он прав.

Пение Дитера закончилось слишком быстро. Все отблагодарили его взрывом аплодисментов, Карл Пендрака – оглушительным свистом и Ундина – неожиданным воем волка на луну.

Я была готова ущипнуть ее, но она оскалила клыки, как оборотень, и моя рука упала.

– Gute Nacht. – Ее гортанный скрипучий шепот был слышен аж у купели.

Кто-то хихикнул, но это была не я.

Фели закрыла крышку рояля, свинтила вниз сиденье табуретки, прошествовала к алтарю и снова изобразила из себя краснеющую невесту.

Повсюду превращения, подумала я. Мы все в процессе превращения в кого-то или во что-то другое. Если бы мы только знали, что все люди вокруг находятся в

процессе превращения в мертвецов.

Впоследствии я пожалела, что мне в голову пришла эта мысль.

Что ж, почти пожалела.

Закончив приводить в порядок свое платье, на что она потратила почти столько же времени, сколько на регулировку стула, Фели была готова идти.

Когда приглашенный по такому случаю Максимилиан Брок обрушил на нас всю мощь органа – кажется, что-то из Вагнера, – Фели схватила Дитера за руку и медленно направилась к выходу. Я видела, что для нее это лучший день в жизни и она собирается насладиться каждой секундой.

Сначала Фели попросила быть подружками невесты Даффи и меня, но мы обе отказались. Даффи объявила, что подружки невесты – это суеверные пережитки («Изначально предполагалось, что они должны отпугивать злых духов», – сказала она). А я не хотела натягивать на себя балетные лосины ради сестрицыного удовольствия.

– Какое облегчение! – заявила Фели. – Я все равно не хотела, чтобы это были вы. Попросила исключительно из вежливости. На самом деле я еще в детстве пообещала Шейле и Флосси Фостер и теперь не могу дать задний ход, да и не хочу.

Так и получилось. Должна признать, что сестры Фостер придали великолепия этому событию. На пару часов отложив жевательную резинку и теннисные ракетки, они выглядели прекрасно в шелковых пышных платьях с елизаветинскими воротниками и вырезом сердечком.

Для пущей точности замечу, что они обе украсили себя тиарами и кружевными шапочками с жемчугом и серебряными бусинами.

Не то чтобы меня хоть сколько-то волновало, что они на себя нацепили, но я всегда стремлюсь оттачивать свою и без того выдающуюся наблюдательность.

Держась позади, я дошла вместе с процессией до конца прохода и оказалась на крыльце, где обе мисс Паддок, Лавиния и Аурелия, заняли наблюдательный пост, восседая на раскладных стульях и по совместительству тростях.

Под вспышки фотокамер счастливая пара замерла на пороге, улыбаясь деревенским жителям, часть которых не присутствовала на церемонии, но пришла на церковный двор, чтобы выказать уважение молодоженам и заодно на часок отвлечься от работы и выпить бесплатную кружку-другую.

В процессе планирования свадьбы обе мисс Паддок попытались, как обычно, вмешаться, предлагая свои ужасающие музыкальные услуги.

- О нет, - ответила Фели. - Вы должны стоять у двери и ловить мой букет.

И вот теперь по-девичьи робким взмахом руки Фели подбросила букет в воздух. Жалкая и беспомощная попытка для девушки, которая влет забивает мячи в крикете.

Хотя мисс Лавинии и мисс Аурелии было уже за семьдесят и они давно вышли из возраста, когда большинство особ женского пола лелеют планы пойти к алтарю, в их душах жила вечная надежда. Две престарелые сестры ракетами взмыли со своих стульев и упали на букет, как гончие на лису, цепляясь когтями и шипя друг на друга, как будто это кошачья свалка, а не божественная церемония. Произошел обмен ударами и неприличными словами. Неприятное зрелище.

Но настоящий ужас произошел во время торжественного приема.

Ужин был съеден, речи произнесены, в том числе трогательная и занимательная речь Банни Спирлинга, вспомнившего знакомство с Фели.

– Ее обильно стошнило на мои гетры и шарф, – сказал он. – Несмотря на юные годы, Офелия сразу проявила себя чрезвычайно утонченной юной леди, и с тех пор она ничего не сделала, чтобы изменить мое мнение.

Послышались смешки и звон бокалов, а потом отец Дитера с нежностью и добротой рассказал несколько историй из детства своего сына – например, о попытке совершить полет с крыши дома на планере, сооруженном из простыней, черенка от метлы и ивовых веток.

– Сиденье он смастерил из нового ведерка для угля. Позже мы спросили почему, и он ответил: «У него достаточная эластичность, чтобы защитить мою Ges?? (то есть его заднюю часть) в случае непредвиденного крушения».

Смеялась даже тетушка Фелисити. Я призадумалась, как много слушателей уловили иронию его рассказа? Дитер и правда упал на землю – не в Германии, но в Англии. И в другое время – в будущем, которое он не мог предвидеть во время своих мальчишеских приключений.

Отец Дитера продолжал:

– Вы понимаете, почему мы всегда так гордились нашим сыном, а сегодня особенно, когда в лице Офелии он дарит нам дочь, о которой мы всегда молились.

После продолжительных аплодисментов Фели отодвинула свой стул и, взяв Дитера за руку, направилась к свадебному тарту. Сие изделие было водружено на низкий кованый столик, который Дитер по такому случаю принес из оранжереи, а миссис Мюллет украсила белым кружевом.

– Это мое свадебное платье, – шепотом призналась она, – на удачу и чтобы сэкономить деньги.

Что касается свадебного торта, миссис Мюллет превзошла самое себя. Он возвышался слой за слоем, как Вавилонская башня кисти Питера Брейгеля, только не такая кривая.

Поскольку столовое серебро де Люсов было продано несколько лет назад, чтобы расплатиться с отцовскими долгами, сегодня обед был сервирован разномастными приборами, собранными со всего прихода. Нож, которым предстояло разрезать торт, был позаимствован у викария: жуткого вида штука, которую скорее ожидаешь увидеть на туманных улицах Лаймхауса, а не на деревенской свадьбе.

– Это тюдоровское серебро, – предупредил викарий Дитера и Фели, – но очень острое. Принадлежало Генриху VIII. Вероятно, изначально это был один из его охотничьих ножей, но последние четыреста лет он использовался во время королевских церемоний. Не предполагалось, что он окажется в частных руках, но руки, которым он принадлежит теперь, не совсем частные, если вы понимаете, о чем я. Берегите пальцы, когда будете резать торт.

Фели и Дитер пообещали сохранять осторожность, и жуткое орудие было завернуто в промасленную ткань и спрятано в ящик для хранения секаторов в ожидании своего часа.

И вот момент наступил.

Дитер сунул руку под кружевную скатерть и через секунду достал нож.

Жених и невеста встали в позу, улыбнулись, переплели пальцы и занесли лезвие над тортом.

Синтия Ричардсон и дюжина леди из алтарной гильдии защелкали камерами «Брауни». Не одну неделю они трудились, планируя это мероприятие, и теперь собирались насладиться им в полной мере.

Засверкали вспышки, зал наполнился звуками аплодисментов, и, когда напряжение достигло пика, нож вонзился в пышную мякоть свадебного торта. Второй разрез, кажется, оказался для Фели труднее. Смеясь и запрокинув голову, она оттолкнула руку Дитера, как будто говорила: «Я должна сделать это сама». Она надавила на лезвие.

Кровь отхлынула от ее лица. Я наблюдала, как она стала такого же цвета, как ее свадебное платье. Фели вскрикнула и выронила нож. Дитер подхватил ее под локоть и проводил к креслу, она мешком упала на сиденье и спрятала лицо на

груди Дитера, заливаясь слезами.

Она порезалась?

К ней вдоль стола начал проталкиваться доктор Дарби. Но, когда он приблизился к ней на расстояние десяти футов, Фели убежала.

Я вскочила. Все в зале застыли от шока. Никто не обратил на меня ни малейшего внимания, когда я подошла к тарту.

Нож лежал на полу там, где Фели его уронила. Первое, что я заметила, – на лезвии не было крови. Я не стала трогать нож и обратила внимание на торт.

Единственный кусок, который успела отрезать Фели, лежал на боку, а из V-образной выемки в торте торчал отрубленный палец.

Человеческий палец.

Я взяла ближайшую салфетку, быстро завернула палец в нее, сунула в карман и смылась.

Я понеслась вверх по лестнице в химическую лабораторию, расположенную в восточном крыле дома. Заперлась изнутри и осторожно развернула салфетку.

Извлекла мощное увеличительное стекло из ящика и начала рассматривать свою находку.

Если не считать крошек от торта, это был совершенно заурядный палец. Ухоженный ноготь, мягкая кожа, мозолей и шрамов нет. Аккуратный срез у основания показывал, что палец был отсечен от руки хозяина с хирургической точностью.

Это палец человека, не привычного к физическому труду, подумала я. Кого-то, кто работал скорее головой, чем руками.

Очень важно взять отпечаток пальца до того, как мне помешают. Легкая задача, когда у вас есть подушечка для чернил и лист бумаги. Я стирала чернила с

кончика пальца, когда в дверь постучали.

- Вы в порядке, мисс Флавия? - окликнули меня.

- Все хорошо, Доггер, - отозвалась я. - Сейчас открою. Как Фели себя чувствует? - поинтересовалась я, впуская его.

- С ней будет все хорошо, - сказал Доггер. - Доктор Дарби занимается ею. Она перенесла сильное потрясение. Говорит, что в торте был палец, но никакого пальца там не нашли.

- Я унесла его с собой, - призналась я.

- А-а-а, - протянул Доггер. - Я так и думал. Могу взглянуть?

- Интересно, чей он, - сказала она.

- Думаю, в свое время мы узнаем. - Он склонился над пальцем. - Философ Локк размышлял, сохраняется ли сознание в отрубленном пальце. Если бы это было так, он мог бы даже указать нам на личность преступника.

- Как доска Уиджи! - воскликнула я. - Если бы он мог раскрыть имя убийцы, передвигаясь от буквы к букве.

- Убийцы? - улыбнулся Доггер. - Почему вы думаете, что бывший хозяин этого отличного экземпляра мертв?

- Формальдегид! - похвасталась я. - Запах формальдегида. Этот палец отрезали от забальзамированного трупа.

- Мне было интересно, заметите ли вы, - сказал Доггер. - Хорошая работа.

- Какие выводы можно сделать, Доггер? - поинтересовалась я. - Я уже обратила внимание на ухоженный ноготь и отсутствие мозолей.

– И правда, – подтвердил Доггер, наклоняясь еще ниже. – Мы также отметим очень легкую вмятину в форме полоски в области пястно-фалангового сустава.

– Имеешь в виду в месте среза? – переспросила я.

Доггер кивнул.

– Это значит, что тут не хватает кольца.

– Конечно же! Мне следовало заметить. Неужели кто-то отрезал палец, чтобы украсть кольцо?

– Такие случаи упоминаются, – сказал Доггер, – в заголовках бульварных газет и в фольклоре. Есть много историй, в том числе средневековых, как воры раскапывали могилы богатых женщин в поисках драгоценных колец и тем самым заставляли мертвых леди восстать.

– Похороны заживо! Ты думаешь, в этом было дело?

– Возможно, – ответил Доггер. – Не стоит сбрасывать этот вариант со счетов. Но, если придерживаться фактов, можно быть уверенным в том, что у нас здесь безымянный палец – тот, на котором носят кольцо. Поперечный срез явно демонстрирует две маленькие выделяющиеся грани, пересекающиеся с третьей пястной костью.

Я глубокомысленно покачала головой и спросила:

– Что-нибудь еще?

– Замужняя женщина, – сказал он.

– Замужняя, потому что носила кольцо? – взволнованно спросила я.

– Да, – подтвердил Доггер. – И женщина, потому что кости хрупкие. Замужняя женщина, прекрасно игравшая на классической гитаре.

Я пришла в крайнее изумление.

– Классическая гитара?

– Именно, – сказал Доггер. – Взгляните на ноготь. Он сточен под косым углом к краю. Профессиональные исполнители, насколько мне известно, подпиливают свои ногти под углом к большому пальцу для удобства игры на гитаре. И, судя по тому, что этот ноготь аккуратно подпилен слева направо, а не наоборот, как обычно, мы можем заключить, что она левша. Кстати, – добавил он, – я вижу, что вы уже взяли отпечаток пальца.

Я кивнула.

– Отлично, – продолжил он, беря в руку мертвый палец и внимательно рассматривая его. Ущипнул кончик под самым ногтем: – Ага, ожидаемое уплотнение кожи. Следствие регулярной игры на струнах. Не мозоль и не очень заметное, но тем не менее его можно увидеть и нащупать.

Он протянул мне палец. Я потрогала. Точно, как Доггер и сказал: заметное уплотнение на мягкой коже.

– Испанка! – воскликнула я, в первый раз обратив внимание на легкий оливковый оттенок кожи.

– Отлично, – заметил Доггер, и я искупалась в лучах его одобрения.

– Не то чтобы это нам чем-то помогло, – добавила я. – В этом мире очень много леди-испанок.

– Это так, – согласился Доггер. – Но в Англии их не так много, а среди них еще меньше тех, кто играет на гитаре, а за последние месяц или два в Бруквуде была похоронена, скорее всего, одна.

– В Бруквуде? – воскликнула я.

– На Бруквудском кладбище в Суррее, – уточнил Доггер.

– Откуда ты знаешь?

Хотя на Доггера это не похоже, в этот раз он явно водит меня за нос, я уверена.

– Ты шутишь, – добавила я.

– Вовсе нет, – возразил Доггер, рассматривая отрубленный палец. – В последнем выпуске журнала «Граммфон» был опубликован некролог мадам Адрианы Кастельнуово, знаменитой импресарио. Она училась у известного гитариста Андреса Сеговия и сделала много замечательных переложений на гитару пьес позднего Алессандро Скарлатти. В моей небольшой коллекции есть несколько ее записей. В августе состоялась ингумация мадам Кастельнуово в Бруквуде.

– Доггер, ты меня поражаешь, – сказала я, умолчав о том, что обожаю людей, имеющих в своем словарном запасе слово «ингумация». Оно происходит от двух латинских слов (in – «в» и humus – «земля») и означает действие помещения в землю, сиречь погребение. Подходящее слово, поскольку оно точно обозначает то, что происходит, и при этом не ассоциируется с червями, личинками, жижей и тому подобным. Лично меня очень занимает свойство вещества растворяться, притягивая влагу из воздуха, но я понимаю, что не все разделяют мои увлечения.

Не всех вдохновляет перспектива превращения человеческих сердец и мозгов в кашу.

– Итак, – подытожила я, – первым официальным действием агентства «Артур У. Доггер и партнеры» будет поездка в Бруквуд? – Видимо, да, – подтвердил Доггер, заворачивая палец в салфетку. – Вы знаете, что у лондонской компании «Некрополис» есть собственная железная дорога? Во всяком случае до бомбежки была. От Ватерлоо до сих пор время от времени ходит их поезд.

Почему я никогда об этом не слышала, удивилась я. Кто мешал мне узнать об этом?

– Железная дорога для мертвых? – уточнила я, не в состоянии сдерживаться.

– Именно, – подтвердил Доггер.

Оказалось, что мы можем уехать в Бруквуд только завтра. Обстоятельства удерживали нас дома, и самым обременительным стала необходимость отскрести Фели от кровати и привести ее в порядок, чтобы она наконец уехала в свадебное путешествие. План заключался в том, чтобы ранним вечером отправить ее в Лондон, откуда она должна была сесть на корабль на континент. Дитер собирался свозить ее во все музыкальные храмы Германии и потом провести две недели в Вене, посещая Венскую оперу и место рождения Моцарта.

Фели продолжала рыдать в три ручья в спальне и теперь отказывалась впускать даже милейшего доктора Дарби, поэтому казалось маловероятным, что моя сестрица выйдет хотя бы в туалет, не говоря уже о памятных местах Вольфганга Амадеуса Моцарта.

Дитер был вне себя от расстройств. Он умолял, уговаривал, обнимал, утешал и кудахтал над Фели, но ничто не помогало. Она отказывалась общаться, только издавала время от времени пронзительные вопли.

– Она перенесла тяжелый шок, – сказал доктор Дарби. – Я часто такое видел.

Я ужасно хотела расспросить его, где и когда, но изо всех сил сдерживалась.

В углу толпились викарий с женой, Дитер и его родители. Дитер имел вид человека, у которого на глазах только что освеживали его кошку.

– В подобных случаях время – лучший лекарь, – разглагольствовал викарий. Эти слова могли утешить кого-то, но не Дитера.

– У меня билеты, – сказал он. – Мы купили их несколько месяцев назад. Сомневаюсь, что я могу их поменять.

Бедолага Дитер! Мне хотелось расплакаться в знак сочувствия к нему. Что я могу сделать для облегчения его страданий?

– Я с ней поговорю, – внезапно решила я. Сделала несколько шагов к двери, и тут меня схватил за руку доктор Дарби.

– Пойдите-ка, – тихо сказал он и добавил: – Что вы на самом деле видели в тортe? Нет смысла отрицать, я видел вас за столом.

– Ничего, – ответила я. – В тортe не было ничего особенного.

Отчасти это правда. В тортe и правда не было ничего особенного, во всяком случае после того, как я завернула отрубленный палец в салфетку и спрятала в карман.

Я отвела доктора Дарби в сторону со словами:

– Она пережила такой стресс. Сначала отец, потом помолвка, а теперь свадьба. Я обратила внимание, что в последнее время она сильно нервничает. Я думала, мы отправим ее в медовый месяц раньше, чем она сорвется. – Я ободряюще похлопала доктора по руке. – Поэтому я и хочу подняться и поговорить с ней.

– Что ж... – начал он, но я не дала ему сказать больше ни слова и с уверенностью, которую на самом деле не чувствовала, удалилась. Надеюсь, я выглядела убедительно.

Я не стала утруждать себя стуком и просто ввалилась в спальню Фели, как будто я – добровольная пожарная бригада Бишоп-Лейси.

Фели распростерлась на викторианской кушетке под окном, прикрывая глаза запястьем и горько всхлипывая в шелковый носовой платок.

– Вставай, Фели, – скомандовала я. – Постыдилась бы. Вставай и иди к гостям. Тебя все ждут. Ты не можешь так обращаться с людьми. Что бы сказал отец?

Я сделала паузу, чтобы она прониклась моими словами.

– Там был... э-э-э... человеческий палец... в... о! Это...

– Это была сосиска, – отрезала я. – Мы с Даффи пошутили. Извини, если мы тебя расстроили.

Попозже я попрошу у господина прощения за откровенную ложь. Он мне простит, а Даффи нет.

- Сосиска, - повторила я. - Старая обветрившаяся сосиска.

Я вознесла безмолвную молитву призраку покойной мадам Кастельнуово, где бы она нынче ни была. Сосиска, да уж!

Рыдания стали чуточку тише. Фели поверила? Трудно понять.

- Я сказала, что у тебя расстройство желудка из-за вина, - продолжила я. - Все отнеслись с пониманием.

- Как ты посмела! - зашипела Фели. - Как ты посмела! Теперь все сплетницы в деревне будут перемывать мне кости!

Наконец она стала похожа на саму себя.

- Иди уже, - сказала я, уперев руки в бока и пытаюсь выглядеть внушительнее. - Тебя жених ждет.

Фели промокнула глаза влажным платком.

- Из-за тебя я испортила макияж.

- Ой боже мой, - сказала я. - Он был испорчен до того, как ты ушла наверх. Фотографии все равно уже сделаны, так что какая разница. Улыбайся, несмотря ни на что. Езжай в Вену. И не возвращайся, пока у тебя характер не улучшится.

Фели попыталась взглянуть мне в глаза, но я не дала ей такой возможности.

- Не надо изображать из себя василиска, - сказала я. - У меня иммунитет. Иди уже.

К моему крайнему изумлению, она послушалась.

– Желаю хорошо провести медовый месяц! – прокричала я вслед, но она либо не услышала, либо решила, что я недостойна ответа.

Нелегка участь посредника.

Вскоре Фели и Дитер под дождь из конфетти, слез и старых сапог погрузились в автомобиль Банни.

Среди тех, кто столпился у дверей, воцарилось долгое неловкое молчание. Похоже, никто не хотел заговорить первым.

Первой моей мыслью было облегчение: Фели больше не живет в Букшоу.

Нет, неправда. Это то, о чем я хочу думать.

По правде говоря, мне было очень тяжело от того, что теперь я осталась одна. Разумеется, со мной будут Даффи, Доггер и миссис Мюллет, но Фели уехала. Фели, с которой я вела вечную войну со дня моего рождения; Фели, которую я всегда любила; Фели, которую я иногда ненавидела.

Нелегко питать неприязнь к человеку, который пишет музыку в твою честь, пусть даже это короткая пьеса для пианино, каскад бурных аккордов, призванный увековечить незабываемое, полное драматизма событие, когда я по неосторожности объелась пирожками миссис Мюллет. Фели назвала эту пьесу «Досадная неловкость» и исполняла ее для посетителей при любой возможности.

«Дрянно!» – шипела я, когда она мучила меня этой пьесой, но она просто транспонировала мелодию несколькими нотами выше и начинала заново.

Но, хотя мы все трое презирали друг друга, бывали случаи, когда мы самым неожиданным и удивительным образом выступали заодно. Например, как-то во время рождественской службы в Святом Танкреде, когда мы с Даффи стояли плечом к плечу с остальными прихожанами и во весь голос пели псалмы, заменяя слова.

«Велик господь, туши мой мозг», – оралы мы. Это и еще «Стирали пастухи носки».

И в конце каждого псалма мы пели: «Обман!»

При наличии практики и изрядной доли хладнокровия можно делать это, широко улыбаясь соседям через проход, и они будут улыбаться тебе в ответ, ни на секунду не заподозрив, что происходит.

Однажды на рождественском концерте мы все трое подхватили свинку. Запертые дома, мы дали друг другу прозвища: я была Свинтус, Даффи – Свинелла и Фели – Свиниссимус. Никогда мы не были так близки друг другу. Опухшие шеи и сухость во рту не мешали нам смеяться.

Фели всегда была скалой. Но, как однажды сказал мне Доггер, у каждой скалы есть подошва.

Я буду скучать по ней.

Наконец Даффи нарушила молчание.

– А теперь, Хельмут, Инг... (она обращалась к мистеру и миссис Шранц; Даффи никогда не придерживалась церемоний). Пойдемте взглянем на первое издание «Записок Пиквикского клуба», которое я обещала вам показать. Автограф Диккенса завораживает. Вы увидите зеленые чернила на титульной странице каждого тома.

– Девятнадцать автографов божественного Диккинса. – Хельмут пришел в восхищение. – Поразительно. Ведите нас, дражайшая Дафна.

С этими словами они ушли.

Миссис Мюллет суетилась в столовой, прибираясь. Я решила, сейчас самое подходящее время завладеть ее вниманием.

– Отдохните, миссис Мюллет, – предложила я. – Должно быть, вы очень устали. Пойдемте на кухню, я приготовлю вам чашечку чаю.

Миссис Мюллет просияла.

- Вы знаете меня как свои пять пальцев, милочка, - сказала она.

- Стараюсь, - ответила я. - Надо бдить, чтобы самые дорогие сердцу люди были счастливы.

Признаю, я подлизываюсь. Но это всегда полезно, когда хочешь распустить слухи.

- Бедняжка Фели, - продолжила я. - У нее нервы не выдержали. Я опасалась, что так и будет. Она и в лучшие времена плохо выносила незнакомцев.

- Но большинство из них - ее друзья, - возразила миссис Мюллет.

- Большинство, - согласилась я, - но не все. Я составила список всех присутствовавших в доме. Знаете, на случай, если мы не досчитаемся фамильного серебра.

Шутки иногда приводят к непредвиденным результатам.

Миссис Мюллет засмеялась.

Это первый шаг.

- С незнакомцами никогда не знаешь, кто из них хороший, а кто негодяй, - добавила я.

- Они должны носить шляпы. - Миссис Мюллет прониклась темой разговора. - Как в кино. Альф очень любит хорошие вестерны, он у меня такой. Рой Рочестер, Джин Артери и прочие. Альф говорит, что всегда можно отличить хороших от плохих по цвету шляп и по лошадям.

- Он очень наблюдательный, ваш Альф, - заметила я. - Ему надо было стать детективом, а не тратить свое время в армии.

Миссис Мюллет выпрямилась во весь рост – надо сказать, что в сидячем положении это не выглядело эффектно.

– Альф очень гордится своей службой в армии, – фыркнула она. – У него есть Военный крест. Он говорит, что ни на что не променял бы его.

Я была не в курсе. Альф никогда не упоминал, что у него есть такая выдающаяся награда. Военный крест давали за большое мужество, проявленное в борьбе с врагом, и я даже представить не могла, что он мог сделать, чтобы получить его.

– Я просто шутила, миссис Мюллет, – исправилась я, и она заулыбалась.

– Что ж, – сказала она, – одни принесли стулья из приходского зала, другие – цветы, третьи пришли чинить телефон, кто-то шесть раз приносил телеграммы, были еще молочник, мясник, пекарь...

– И изготовитель свечей, – добавила я с улыбкой, намекая, что я шучу.

– Нет, этого не было. У нас много свечей в кладовой еще со времен войны.

– Свадебный торт Фели тоже стоял в кладовой? – внезапно на меня нашло озарение.

Миссис Мюллет кивнула.

– Ты же видела, как я его туда ставила, помнишь?

Я помнила. Доггер помог ей вкатить тяжелый торт на сервировочной тележке, и там он неделями томился под слоем ткани в ожидании того, как перед подачей его покроют сахарной глазурью.

– Помнишь, я еще сказала, что это будет перевод продуктов, если они отменят свадьбу? – Она засмеялась. – Что нам надо будет съесть эту штуку самим.

– Точно, миссис Мюллет. Прекрасно это помню.

Я также помнила, что миссис Мюллет охраняет кладовую так же ревностно, как лондонская стража – сокровища короны.

Кто же имел доступ к тарту между тем, когда его покрыли сахарной глазурью, и тем, как его разрезали? Кажется очевидным, что палец засунули в торт между этими двумя событиями, а глазурь размазали, чтобы скрыть отверстие.

– Прошу прощения, миссис Мюллет, – сказала я. – Пойду посмотрю, чем еще я могу помочь.

Я оставила ее с чашкой чаю и выражением крайней усталости на лице.

От свадебного торта остались развалины. Кусок, отрезанный Фели, остался нетронутым, словно из уважения. Свежий надрез был сделан с другой стороны, и высокая башня обрушилась.

Для моего расследования это не важно. Кусок Фели так и лежал на столе в том месте, где упал. Я внимательно изучила его округлый край: он выглядел нетронутым.

Но сбоку, в том месте, куда вошел нож, в глазури была небольшая вмятина.

Кто-то засунул палец – специально или просто с целью быстро избавиться от него – в бок свадебного торта Фели.

Кто мог такое сотворить и как? Это была жестокая шутка или часть более мрачной истории? Каким образом забальзамированный палец мертвой женщины, похороненной на кладбище в Суррее, оказался внутри свадебного торта в Букшоу?

Похоже, меня ждет хорошенькая головоломка.

Удивительно, как может увлечь свадебный торт, даже если свадьба не твоя. Я удалилась к себе полежать и собраться с мыслями. В последние несколько дней я чувствовала себя как пробка в бурной реке, несомая куда-то чужими планами.

Должно быть, я задремала на какое-то время и проснулась от стука в дверь. С трудом приподнялась на локоть. Спросонья голова была тяжелой.

– Что? – выдавила я. Во рту было сухо и словно кошки нагадили.

– Это Доггер, мисс Флавия. Можно войти?

– Конечно. – Я выпрыгнула из постели, пригладила волосы и подскочила к окну, приняв задумчивую позу и уставившись на сад, словно я Оливия де Хэвилленд.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал Доггер, – но, кажется, у нас клиентка. Где бы вы хотели ее принять?

Ее? Мое сердце заколотилось. Неужели нашей первой клиенткой окажется загадочная женщина в черном? Женщина, которую взяли в заложники ведьмы? Но ведьмы обычно не занимаются шантажом. Чаще всего они мстят с помощью чар, а не чернил.

– Пригласите ее в гостиную, Доггер, – попросила я, стараясь утишить дыхание. – Я сейчас спущусь.

Услышав удаляющиеся шаги Доггера, я рванула в соседнюю с химической лабораторией комнату и схватила очки, записную книжку с солидной твердой обложкой и одну из многочисленных перьевых ручек дядюшки Тарквина марки «Уэверли», которые когда-то рекламировали стишком:

Без них обойдетесь в хозяйстве едва:

Ручки «Уэверли», «Пиквик», «Сова».

У дядюшки Тара было несколько экземпляров каждой модели.

Переодевшись из нарядного платья в более официальные юбку и блузку и обувшись в отвратительные туфли-оксфорды, оставшиеся мне мрачным напоминанием о моем заключении в женской академии мисс Бодикот, я медленно сосчитала до ста восьмидесяти и начала неторопливый спуск по лестнице.

– Миссис Прилл, – объявил Доггер, когда я вошла в комнату, – хотел бы представить вам мисс Флавию де Люс. Мисс Флавия, это миссис Анастейша Прилл.

– Рада познакомиться, – сказала я, снимая очки и обмениваясь с ней крепким деловым рукопожатием.

В скромном сером костюме и серой крылатой шляпке она напоминала одновременно голубя с фонтана на Трафальгарской площади и крылатого бога Меркурия.

Я думала, что голос у нее будет резкий, похожий на птичий крик, но она удивила меня: он напоминал старое красное дерево, отполированное воском, богатый, теплый и изумительно глубокий. Голос профессиональной певицы. Контральто. Может быть, она оперная певица?

– Просто счастлива познакомиться с вами, Флавия, – сказала она. Возможно, это приемлемое обращение ко мне, с учетом того что она значительно старше, но мне все равно не хотелось, чтобы наши отношения были испорчены поспешной фамильярностью. Она должна помнить, что она клиент, а мы с Доггером – консультанты.

Поэтому я держала рот на замке и быстро пролистала записную книжку, как будто в поисках чего-то важного. Потом водрузила очки на место и жестом пригласила миссис Прилл присесть.

– Желаете чашечку чаю? – предложила я. Сотрудники агентства «Артур У. Доггер и партнеры» ведут дела цивилизованно.

– Нет, благодарю, – отказалась она. – Чай не относится к моим слабостям.

Что ж, меня поставили на место.

- Что ж, чем могу помочь, миссис Прилл? - спросила я.

Она слегка покраснела.

- У меня довольно деликатное дело.

- Все хорошо, миссис Прилл, - заверила ее я. - Мы с мистером Доггером хорошо знакомы с деликатными делами. Не так ли, мистер Доггер?

Доггер изобразил легкий, но изящный поклон. Какое счастье с ним работать!

- Видите ли, были похищены кое-какие письма...

- И они такого свойства, что об их утрате нельзя заявить в полицию, - договорила я.

Полагаю, ход моей мысли был очевиден, но миссис Прилл ахнула и сказала:

- Поразительно! Вы невероятная! Точно как мне говорили!

- Кто говорил? - спросила я, пытаюсь сощурить уголки глаз и придать себе вид человека, а не только думающей машины.

- Боюсь, я не вправе. - Миссис Прилл закусила губу.

- Не то чтобы это имело значение, - сказала я в надежде произвести впечатление, что в любом случае узнаю.

Неловкое молчание нарушил Доггер. Славный Доггер!

- Полагаю, мисс де Люс хочет подчеркнуть, что, если мы должны будем заниматься этим делом от вашего имени, мы с самого начала должны установить отношения полного доверия и откровенности.

Я бы сама лучше не сформулировала.

– Хорошо, – сказала миссис Прилл. – Полагаю, наш разговор строго конфиденциален?

Я скромно кивнула, как будто у стен есть уши.

– Что ж, мне говорили о вас доктор Дарби с викарием и их жены. Они все сказали, что у вас весьма впечатляющие таланты.

Я снова кивнула. Зачем скрывать свет[5 - Игра слов. По латыни luce – это свет.]? Отныне это будет мой девиз.

– Слушаю вас, – сказала я, открывая записную книжку и держа ручку наготове. – Пожалуйста, начните с самого начала.

Она поняла меня буквально.

– Меня зовут Анастейша Брокен Прилл, я родилась в Босуэл-Магна в Кенте. Я единственная дочь состоятельного врача. Получив частное образование...

– А! Ваш отец – доктор Огастес Брокен, известный гомеопат, – перебил ее Доггер. – Да, я вижу сходство. В свое время доктор Брокен был знаменитым человеком.

– И до сих пор остается, – сказала миссис Прилл. – Хотя он уже не работает, он остается... Он...

Ее лицо омрачилось.

– Он находится на попечении других людей, – подхватил ее фразу Доггер.

– Именно, – сказала миссис Прилл. – Именно те слова, которые я искала. Благодарю вас, мистер Доггер.

И она вернулась к своему рассказу.

– Письма, о которых я говорю, имеют отношение к медицинской практике отца. Вы, конечно же, понимаете, почему я не могу допустить, чтобы они были обнаружены.

– Секунду, – сказала я. – Привлекать полицию к поискам писем – совсем не то, что сделать их содержание известным всем.

– В маленьком городке вроде Бишоп-Лейси это практически одно и то же, информация утекает, как вода в решете.

Я знала, что она имеет в виду нашего деревенского полицейского, констебля Линнета, который, по слухам, неоднократно распускал язык в баре «Тринадцать селезней».

– Когда вы заметили, что письма пропали? – поинтересовался Доггер.

– В пятницу. В пятницу вечером. Я вернулась из Лондона после целого дня встреч попечительского совета. В саду меня встретили Звезда и Подвязка.

– Звезда и Подвязка? – переспросила я.

– Мои коты. Я их так назвала по их отметинам. Уезжая утром, я заперла их в доме.

– У кого-то еще есть ключи от вашего дома? – спросила я. – У соседа? Родственника?

Миссис Прилл энергично качнула головой и ответила:

– Я уделяю огромное внимание своей собственной безопасности и сохранности своего имущества.

Почему, задумалась я.

Должно быть, она прочитала мои мысли.

- Мне доводилось получать угрозы... в прошлом.

- Не могли бы вы поделиться подробностями? - попросила я.

- Разумеется. Гомеопатия - весьма конкурентная область и порой очень нелюбимая. Патенты, судебные споры. Уверена, вы понимаете, о чем я.

- Конечно, - ответил Доггер. - «Бальзамический электуарий Брокена». Лучший бальзам для мужчины и зверя. Когда-то его рекламировали повсюду: на вокзалах, в омнибусах, газетах, на афишах. Даже по улицам ходили люди-сэндвичи.

Миссис Прилл приосанилась.

- Название мы взяли по фамилии. - Она самодовольно улыбнулась.

- Мы прекрасно понимаем ваше желание приватности, - сказал Доггер. - Умоляю, продолжайте.

- Что ж, как я уже говорила, я вернулась домой ровно в девять пятьдесят. Помню, что бросила взгляд на часы, когда открывала калитку. У меня привычка записывать в дневнике, когда я ухожу и возвращаюсь.

- Очень мудро, - заметил Доггер. - Крайне полезная привычка.

Он улыбнулся ей, и она просияла в ответ.

- Я впустила Звезду и Подвязку в дом...

- Дверь была открыта? - перебил ее Доггер.

- Нет. Я бы заметила, - ответила миссис Прилл. - У меня что-то вроде ритуала, я проверяю замок перед уходом, даже два раза.

- Очень мудро, - повторил Доггер. - Сохранность имущества.

Он улыбнулся мне, и я записала его слова.

– Ретроспективно говоря, – продолжила она, – я бы заметила. Звезда и Подвязка были неугомонны и носились по дому. Я списала это на тот факт, что они весь день провели во дворе. Метят территорию, что-то вроде. Только после того, как я поужинала и собралась сделать кое-какие записи, я заметила, что мой стол трогали.

– Каким образом? – уточнила я.

– Я всегда оставляю торчащий уголок бумаги в верхнем ящике. Выглядит совершенно невинно, но коты его вряд ли потревожат.

– Ящики были заперты на ключ? – спросила я, не поднимая взгляда от своих заметок.

– Они нет. Но коробка для писем в задней части ящика да. Ее открыли перочинным ножом или чем-то вроде.

– Деревянная коробка, – сказала я.

– Да.

– И письма пропали.

– Да.

– Вечером в пятницу.

– Да.

– Почему же вы ждали сегодняшнего дня, чтобы прийти к нам с этим делом, миссис Прилл?

– Верите или нет, но я думала, что они найдутся. Думала, может быть, я по рассеянности переложила их в другое место и просто забыла об этом.

- Но вы не стали бы взламывать замок, верно? - заметил Доггер.

- Да. Нет необходимости. Я ношу ключ на шее.

Она покопалась в декольте и извлекла золотую цепочку, на которой висел серебряный ключик.

- Видите? Он все время при мне. Я не выпускаю его из рук.

То есть с груди, хотела я добавить, но сдержалась.

- Другая причина, по которой я пришла не сразу, - продолжала она, - заключается в том, что я сначала хотела попросить совета у доктора Дарби и викария. Я до сих пор не вполне уверена в ваших... ваших...

- Добрых намерениях, - закончил Доггер и успокаивающе улыбнулся.

- Еще несколько вопросов, - сказала я. - Если не возражаете. Были еще какие-то следы взломщика? Замки, предметы не на своих местах, отпечатки и так далее?

- Нет, - ответила миссис Прилл. - Вечером примерно час шел дождь, и любые отпечатки смыло.

Точно, я совсем забыла. Мне в голову пришла мысль.

- Надеюсь, вы не посчитаете меня дерзкой, миссис Прилл, но откуда вы знаете, как долго шел дождь, если вы были в Лондоне?

- Спросила у миссис Ричардсон, жены викария. Это было первое, о чем я подумала.

- Что ж. - Доггер вмешался в разговор. - Позвольте мне подытожить: угрозы в прошлом, пропавшие письма, взломанная коробка, но никаких признаков вторжения.

– Именно, – подтвердила миссис Прилл. – Буду весьма признательна, если вы докопаетесь до сути этого дела.

– Разумеется, мы это сделаем, но сначала нам нужно провести осмотр, – сказал Доггер. – Не могли бы вы сказать нам адрес.

– Бальзам-коттедж, Минсинг. – И она добавила, словно пытаясь разрядить повисшее в воздухе напряжение. – Заходите на чай.

Минсинг – это крошечная деревушка между Бишоп-Лейси и Хинли.

Доггер подошел к двери и открыл ее, давая знак, что миссис Прилл пора уходить. Потом сказал:

– О, чуть не забыла.

Я улыбнулась. Доггер не забывает ничего и никогда.

– Вы бы не могли оставить адрес, где пребывает ваш отец – доктор Брокен?

Голос миссис Прилл, до сих пор теплый и успокаивающий, словно мед на тосте, внезапно превратился в лед.

– Нет! – отрезала она. – Не могу. Он не в состоянии... – И как будто осознав, что она говорит, она улыбнулась. – Извините, если покажусь вам слишком резкой, но мой отец в преклонных годах и не вполне в здравом уме, если вы понимаете, о чем я.

Доггер положил ладонь на руку миссис Прилл и превратился в воплощение сочувствия.

– Мы прекрасно понимаем, миссис Прилл. Будем на связи.

– Черт! – ругнулась я, когда она ушла. – От отца мы могли бы получить больше информации, чем от дочери.

Доггер улыбнулся.

– Насколько я припоминаю, а Англии имеется только одна частная больница, которая обеспечивает своим пациентам высочайший уровень безопасности. Поскольку это стоит значительных средств, она предназначена только для обеспеченных.

– Таких как доктор Брокен, – догадалась я.

– Таких как доктор Брокен. – Доггер снова улыбнулся. – Она называется аббатство Голлингфорд. И, – добавил он, – она очень удобно расположена на окраине городка Пирбрайт, совсем близко от кладбища Бруквуд.

4

Самое чудесное место на земле для дискуссии, как лучше вскрыть могилу, – это мягко постукивающий по рельсам вагон поезда в дождь. Мне кажется, постоянное покачивание встряхивает мозги и направляет их в русло, невозможное во время сидения у камина.

Каждая струйка воды по стеклу дает новый толчок мысли, разветвляющейся на ручьи Амазонки с бесконечными потоками размышлений и предположений.

– Ты думаешь, могилу мадам Кастельнуово уже кто-то потревожил? – спросила я.

– Может быть, – ответил Доггер. – А может, и нет. Думаю, шансы скорее в пользу того, что нет.

Он заметил мой озадаченный вид.

– Намного проще отрезать и украсть палец до похорон, чем после. Только подумайте об организации процесса и о шансах быть пойманным.

Об этом я не подумала и должна признать, что чувствую себя несколько обманутой. Я предвкушала хорошенький классический случай гробокопательства. Читая ночами при свете фонарика леденящие кровь истории о Берке и Хейре[6 - Речь идет о преступлениях Уильяма Берка и Уильяма Хейра. В 1827–1828-х годах они совершили шестнадцать убийств, продавая трупы своих жертв хирургу для опытов.], я приобрела неутолимый вкус к наводящим ужас походам на кладбище.

Ну ладно, подумала я. Нельзя иметь все на свете.

Мы сели в поезд, отправляющийся в 11:27 с Ватерлоо в Бруквуд, чтобы успеть на дневной похоронный поезд, отбывающий в 11:20. Присутствующие могли попрощаться с усопшей в Бруквуде, собраться на традиционные поминки (где угощали сэндвичами с ветчиной и глазурированными бисквитами) и успеть вернуться в Лондон к чаю.

Как это культурно! И как по-британски.

Рельсы, по которым мы сегодня ехали большую часть пути, – те же самые, по которым лондонская железная дорога «Некрополис» возила трупы в могилы.

Я вздрогнула от удовольствия.

Доггер бросил взгляд на часы.

– Мы точны, как смерть.

Он шутит? Его лицо ничего не выражало.

– Мы только что въехали на отрезок пути между Уолтоном и Уэйбриджем, а это значит, что мы на расстоянии ровно восемнадцати с четвертью миль от Ватерлоо. Мы будем в Бруквуде меньше чем через десять минут.

Чтобы поупражнять свои умственные способности, я запоминала станции и пересадочные узлы, которые мы проезжали после отъезда с Ватерлоо: Воксхолл, Квинс-Роуд, Клэпхем, Эрлсфилд, Уимблдон, Рейнс-парк, Молден, Беррилендс, Сербитон, Эшер, Хершем и, разумеется, Уолтон. Перед тем как мы сойдем с поезда и ступим на улицы города мертвых, нас ждут Уэйбридж, Уэст-Уэйбридж, Байфлит и Уокинг.

Какие чудеса мы там обнаружим? Или какие кошмары?

Словно читая мои мысли, Доггер перестал рассматривать часы и откинулся на сиденье.

– Удивительное дело, если задуматься. Даже сегодня, когда на всем остальном экономят, более шестидесяти поездов в день отправляется в Бруквуд. Только представьте себе, что было во времена королевы Виктории.

Это не представляло для меня труда. В моем воображении возникли черные лаковые катафалки, запряженные лошадьми. В их стеклянных панелях, как в зеркалах, предсказывающих будущее, отражаются лица присутствующих. Катафалки медленно подъезжают к зданию лондонской компании «Некрополис», на частном вокзале недалеко от Ватерлоо. Здесь среди наемных плакальщиков и гостей, в окружении черных плюмажей из страусиных перьев, вдыхая всепроникающий тошнотворный запах траурных цветов и дыма паровоза, посетители в унылом молчании ждут поезд, потом садятся в вагон соответствующего класса в зависимости от купленных билетов: первый, второй или третий.

Тем временем гроб с покойником на паровом лифте поднимают на платформу, где под стеклянной крышей, чтобы спокойствие гроба не нарушалось падающими тенями, и грузят в нужный вагон, а именно в первый, следующий за локомотивом с гостями. Похоронный вагон разделен на отделения первого, второго и третьего классов, напоминающие лошадиные стойла.

Этот черный поезд с блестящими вагонами приводят в полную готовность шесть дней в неделю в одиннадцать часов тридцать пять минут, а в воскресенье в одиннадцать двадцать. Респектабельно пыхтя и время от времени выпуская аккуратные столбы дыма, он транспортирует мертвецов в подземный мир.

Я наслаждалась ожившей викторианской эпохой, но что-то меня грызло: собака, хватаящая за пятки мой префронтальный кортекс (если, конечно, у префронтального кортекса есть пятки, в чем, если хорошенько подумать, я сомневаюсь).

– Доггер, – сказала я, – нам нужно срочно осмотреть дом миссис Прилл. Имеющиеся улики наверняка могли быть потревожены или вообще исчезли.

– Улик нет, – ответил Доггер.

У меня галлюцинации?

– Прошу прощения?

– Улик нет. Миссис Прилл не была в Лондоне в пятницу во время так называемого взлома, как она утверждает. Она покупала лук порей на рынке в Бишоп-Лейси. Я видел ее своими собственными глазами.

– Значит...

– Она все сочинила. Возможно, чтобы выдумать правдоподобный предлог, почему исчезли некие компрометирующие письма. Такие удобные воры часто подворачиваются, когда пожилой состоятельный родитель болен. Старая, очень старая история.

– Доктор Брокен на грани смерти, вот что ты думаешь?

– Мы все на грани смерти, – улыбнулся Доггер. – Некоторые ближе к ней, чем другие. Вполне разумно сделать умозаключение, что доктор Брокен относится к первой категории.

– Он в опасности?

– Следует предположить, что да, и нам надо устранить опасность, – сказал Доггер.

От удовольствия у меня косички зашевелились. Секунду я наслаждалась этим чувством, а потом сделала вывод:

– Миссис Прилл явилась к нам за консультацией, чтобы оправдаться и чтобы использовать доктора Дарби и викария как свидетелей того, что она обратилась к нам за помощью.

– Именно, – подтвердил Доггер. – Она намеревалась сделать нас частью своего алиби.

– Значит, никаких пропавших писем нет?

– Нет. – Доггер покачал головой. – Письма почти наверняка существуют, иначе все это упражнение не имело бы смысла. Но они не пропали. Миссис Прилл, а может быть, кто-то другой почти наверняка хорошенько их припрятал. Но поскольку она наняла нас, чтобы их найти, мы их отыщем.

– Значит, спешки нет, – подытожила я.

– Нет, – подтвердил Доггер. – А вот, если я не ошибаюсь, справа от нас больница «Нэпхилл». Давайте готовиться к выходу.

Вскоре мы стояли на платформе, наблюдая, как наш поезд уезжает на юго-запад в сторону Фарнборо. За время нашего путешествия небо расчистилось, и теперь мы наслаждались прекрасным неожиданным осенним солнцем.

На юге, за железнодорожными путями, находилось кладбище Бруквуд, и, должна признаться, меня постигло разочарование.

Кладбище Бруквуд вовсе не было похоже на Хайгейт с его заросшими мхом, разрушающимися ангелами и покосившимися надгробиями, где смерть превратилась в произведение искусства.

Нет, напротив, Бруквуд оказался совершенно плоским, и этот унылый пейзаж нарушали только странная роща хвойных деревьев и изгороди. Стоящие там и сям ротонды, построенные под классику, пытались сделать это место сколько-нибудь интересным. На тридцать с чем-то акров тянулись витрины магазинов –

тридцать с чем-то акров дурного вкуса, насколько я могу видеть.

Мы пошли по боковой ветке мимо комнаты отдыха и покойницкой, расположенных на удивление близко друг от друга, как на мой вкус.

– В былые времена, – начал рассказывать Доггер, – локомотив отвозил похоронные поезда на частную железную дорогу, где вагоны отсоединялись и дальше их транспортировали на кладбище лошади.

– А локомотив? – спросила я.

– Возвращался в Лондон возить живых, пока не приходило время обратного путешествия из Бруквуда.

– А живые знали, что этот самый поезд только что перевез кучу трупов на кладбище?

– Общественные дискуссии не поощрялись, – ответил Доггер. – Вопросы санитарии и тому подобное...

– Звучит так сухо и по-медицински, – заметила я. – Расписание и билеты.

– Смерть, она такая. Если задуматься... – а потом, словно его настигла запоздалая мысль, он добавил: – Лондонская компания «Некрополис» когда-то в качестве телеграфного использовала адрес: Тенебрио, Лондон.

– Что это значит?

– Тип существительных, который так любил Цицерон и почти никто после него. Не совсем инфинитив и не совсем...

– Герундий! – воскликнула я. Даффи, жившая и дышавшая подобной чепухой, безжалостно читала мне лекции о герундиях. Герундий, насколько я помню, это что-то среднее между глаголом и существительным, обозначающее действие. Например, «отравление».

– Именно, – сказал Доггер. – Происходит от tenebrae – латинского слова «темнота» и означает затмение, помрачение.

Я предположила, что это название имеет отношение к родному человеку. Может даже, игра слов, имеющая отношение к цвету лица, который был так увлекательно описан мистером Во в «Возвращении в Брайдсхед», одной из моих самых любимых книг.

– С тем же успехом они могли назваться «Превращаясь в тени», – заметила я.

– Согласен, – ответил Доггер. – Tenebrio несколько отдаёт литературщиной. Думаю, это название придумал какой-нибудь выпускник частной школы, занявшийся похоронным бизнесом.

Мы шли в молчании.

Через некоторое время мы добрались до широкой улицы, пересекающей железнодорожные пути. Улица называлась Кладбищенская граница.

– В том направлении расположен Южный вокзал, а в этом – Северный, – указал Доггер.

– В чем разница?

– Южный вокзал для англикан, а Северный – для диссентеров[7 - Диссентеры – протестанты.].

Когда мы остановились рядом с указателем на военное кладбище, Доггер внезапно погрузился в глубокую задумчивость. Словно по мановению палочки злого колдуна, на его лице появились резкие морщины. Я знала, о чем он думает. Многие его боевые товарищи похоронены здесь. Эта война обошлась особенно жестоко с Доггером, как и с моим отцом. Оба пережили ее, но были отмечены ею навеки. Это не тема для обсуждения.

Должно быть, прогулка по железнодорожным путям вернула его в прошлое, во времена его плена, когда он и отец вынуждены были работать на бирманской Дороге Смерти.

Как отважно с его стороны было отправиться со мной на другую дорогу смерти, пусть даже она находится в Англии и сейчас совсем другое время. Должно быть, это настоящая пытка.

Надо отвлечь его.

– Взгляни, Доггер, – сказала я. – Вот администрация кладбища. Они смогут направить нас к могиле мадам Кастельнуово.

Доггер медленно повернулся, как будто видел меня в первый раз, как будто я незнакомка, обратившаяся к нему с вопросом, как найти дорогу.

– Отличная идея, – с заметным усилием сказал он, заставляя себя вернуться из путешествия в прошлое на чужие опасные берега. – Своевременная помощь всегда приветствуется.

Администрация представляла собой белое кирпичное здание, явно знававшее лучшие времена. Сто лет дождей оставили свои отпечатки, и местами стены поросли мхом.

Доггер открыл дверь, и мы вошли в темное помещение.

Внутри царил атмосфера... Я не сразу смогла уловить ее, но здесь пахло не столько смертью, сколько унылой коммерцией. На стенах висели плакаты в рамках, словно рекламирующие путешествие в места, откуда нет возврата.

За столом возникло какое-то шевеление, и через минуту или около того перед нами появился невысокий мужчина. Он был одет в тесный черный костюм с желтоватым целлулоидным воротничком. Заморгал на нас сквозь серебряное пенсне, как будто мы – привидения. Под одним глазом чернел синяк. Интересно, это результат драки или нечто декоративное? Часть атмосферы?

Должно быть, я смотрела на него слишком пристально, потому что он прикоснулся пальцем к пострадавшему глазу и пробормотал:

– Гроб наехал.

Как будто это все объясняет! Поскольку мне доводилось бывать в таком же затруднительном положении, я прекрасно поняла его и успокоила, сочувственно сморщив нос и верхнюю губу, как будто говорила: «О! Разделяю вашу боль».

– Добро пожаловать в Бруквуд, – сказал он совершенно другим, на удивление жизнерадостным голосом. – Полагаю, вы не собираетесь здесь задерживаться?

Он шутит? Я взглянула на Доггера в поисках реакции, но он сохранял хладнокровие игрока в вист вечером в пятницу в Святом Танкреде.

Под моим взглядом выражение его лица чуть смягчилось, только чтобы дать понять, что он уловил иронию.

– Мы ищем могилу мадам Кастельнуово, – сказал Доггер. – Насколько я знаю, она была погребена здесь в августе.

– Вы семья? – поинтересовался маленький человечек, на всякий случай изображая скорбь.

– Поклонники, – поправил Доггер.

– А! Значит, музыканты? – Скорбь сменилась выжиданием зрителя в оперном зале, перед тем как поднимется занавес.

– Что-то вроде. – Доггер почтительно склонил голову.

– Что ж, – произнес человечек, потирая руки. – Посмотрим, посмотрим. Это было недавно?

– В августе, – повторил Доггер.

Мужчина по очереди посмотрел на нас, словно пытался найти в наших лицах что-то вроде визиток с необходимой информацией.

Время словно застыло.

А потом, как будто придя к какому-то решению, он отвернулся и начал суетливо копаться в недрах шкафчика. Мы слышали шорох бумаг и театральные вздохи.

После того, что показалось мне вечностью, он вынырнул из деревянных недр, сжимая в руках пухлую папку с неровными краями. Бухнул ее на стол.

– Да, вот оно, – сказал он, лизнул указательный палец и пролистал до нужной страницы.

На старом официальном бланке я с удовольствием увидела логотип лондонской компании «Некрополис и Национальный мавзолей» – змею, глотающую свой хвост и обвивающуюся вокруг черепа с костями, и песочные часы с подписью *Mortuis quies vivis salus*.

Выгнув брови, я указала Доггеру на бланк.

Он едва заметно улыбнулся, что означало: «Позже».

Мы наблюдали, как мужчина с синяком тщательно рисует карандашом участок кладбища, который мы ищем.

– Место 124, – сказал он, отмечая его на карте большой буквой X. – Римско-католическая секция. Рядом с часовней.

Разумно. Испанская леди, скорее всего, будет погребена в объятиях своей матери-церкви, а не рядом с диссентерами.

– Удачной охоты, – жизнерадостно пожелал нам человечек, когда мы пошли к выходу.

За спиной Доггера я по-маньячески ухмыльнулась и сделала вид, что стреляю ему в лоб, сложив пистолетом указательный и большой пальцы. Он улыбнулся с таким видом, будто мы давно потерявшиеся близнецы, разлученные в колыбели.

– А теперь, Доггер, девиз на латыни. Ты обещал.

– Mortuis quies vivis salus, – сказал Доггер. – В грубом переводе это означает: Безопасный отдых для живых мертвецов.

Я широко распахнула глаза.

– Вампиры? – выдохнула я, оглядываясь в стороны, чтобы убедиться, что из-за ближайших надгробий на нас не бросятся никакие привидения или волосатые чудовища.

– Не совсем, – возразил Доггер. – Хотя это было бы чрезвычайно увлекательно, не так ли?

Я молча кивнула.

– В отличие от другой неуместной школьной попытки, уверен, эта фраза означает, что мертвецы, покоящиеся в безопасности, остаются живыми в памяти.

– Надеюсь, что так, – заметила я.

Через пару секунд я поймала себя на том, что насвистываю «Реквием» Моцарта.

Даруй их душам, Боже, вечный отдых,

Непреходящим светом озари.

Просто так.

«Реквием» Моцарта – мое любимое произведение. Отличная музыка, чтобы ставить ее на патефоне, когда ты лежишь в кровати, закрыв глаза, вытянувшись, медленно дыша и аккуратно сложив руки на груди, и готовишься отойти ко сну. Не хватает только лилии.

Прочие домочадцы Букшоу не очень любили эту пьесу. Похоронная месса по вечерам может вгонять в расстройство тех, кому неуютно в присутствии мертвецов и кто не обладает стойкостью характера Флавии де Люс.

Даффи одно время пыталась выводить меня из этого настроения, отпуская шуточки насчет носа Вольфганга Амадея и намекая на скудно одетых красоток, которых американцы любили рисовать на носках самолетов.

Фели, слишком уважающая музыку, чтобы отпускать дешевые шутки о композиторах, прицельно бомбила граммофон.

– Как можно использовать для рекламы собаку, слушающую, как игла бежит по дорожке? Музыкальные записи причиняют боль собачьим ушам. Их диапазон слуха намного шире, чем у человека. Жестокое обращение с животными, вот что это такое.

Я попыталась обратить ее внимание на то, что у нас нет собаки, но Фели не поддалась.

Нам приходится нелегко, тем, кто обожает смерть.

Сейчас мы с Доггером приближались к той секции кладбища, где похоронили мадам Кастельнуово.

– Вот тут, – сказала я, тыкая в нарисованную карту. – Участок 124.

Найти могилу оказалось нетрудно: холмик с цветами месячной давности посреди более старых могил.

Двое рабочих сражались с красивым гранитным надгробием, пытаясь установить его на место. Пустая деревянная тележка лежала на боку.

– Доброе утро, джентльмены, – поздоровался Доггер, приподняв шляпу. – Отличнейший образчик триасового мрамора. Альмерия, Андалузский полуостров в Испании, если не ошибаюсь.

Рабочие отложили инструменты и уставились на него.

– Позвольте мне предположить, – продолжил Доггер, – что он из деревушки Макаэль. Да, я уверен, нигде в мире нет такого белого мрамора, как тот, что добывают в Макаэле. Я прав?

И он улыбнулся им.

Тот, что меньше ростом, явно главный, встал с колен и снял перчатку.

– Вы бывали в Макаэле, сеньор? – спросил он с заметным акцентом, сдавив ладонь Доггера. – Моя матушка до сих пор там живет, в Макаэле.

Доггер улыбнулся той улыбкой, которая заставляет человека чувствовать, как будто на его вопрос уже ответили, хотя ничего подобного не было, и спросил, склонив голову:

– И как вас зовут?

– Диего, – ответил рабочий. – Диего Монтальво.

– Чрезвычайно рад знакомству, мистер Монтальво. Восхищаюсь этим превосходным образчиком мастерства.

Взволнованный Монтальво представил своего помощника по имени Роберто (без фамилии), и вскоре мы пожимали друг другу руки, идиотски улыбались и рассуждали об альмерском мраморе.

Разговор неизбежно свернул на надгробие мадам Кастельнуово, с которым эти двое мужчин возились, когда мы пришли. Это был плоский вытянутый кусок ослепительно белого мрамора.

На нем были выгравированы имя и даты: «Мадам Адриана Кастельнуово, 1917–1952» и изящное изображение гитары с порванной струной.

– Ей было не так много лет, – заметила я.

– Да, – сказал Доггер. – Как сказал Вордсворт, лучшие всегда сгорают первыми, а...

Он умолк на полуслове.

– А? – тихо подсказала я.

– ...А те же, чье сердце и без того выжжено дотла, могут тлеть долго.

У меня подступили слезы к глазам, хотя я сама не поняла почему.

Диего и Роберто перекрестились, и я последовала их примеру.

Доггер прокашлялся.

– Что ж, – сказал он, возвращая разговор в более приземленное русло, – должно быть, это непростая задача – поставить камень идеально ровно в мягкую землю.

– Здесь не мягкая земля, – возразил Роберто. – Твердая, как камень.

– А-а-а, – глубокомысленно кивнул Доггер. – Бетон. Семья поступила очень разумно. Да, очень разумно.

Общеизвестный факт, по крайней мере для меня, что могилы знаменитых людей часто сразу после погребения заливают толстым слоем бетона, чтобы предотвратить попытки разжиться трофеем.

Вот мы и узнали то, что нам было нужно.

Палец у мадам Кастельнуово отрезали до похорон.

Мы обменялись едва заметными улыбками.

– Одна галочка поставлена, – заметил Доггер, после того как мы попрощались с Диего и Роберто и отправились обратно по Кладбищенской границе. – Теперь следующий пункт. Если не ошибаюсь, аббатство Голлингфорд находится в этом направлении.

– Мне интересно, Доггер, – сказала я, – как ты узнал, что могильный камень мадам Кастельнуово был добыт в деревне Макаэль в Альмерии, расположенной на Андалузском полуострове в Испании?

- А! - отозвался Доггер. - У людей есть свои секреты.

- Ты водишь меня за нос, - возразила я.

- Так и есть, мисс. На самом деле, если вам так интересно, адрес был напечатан на деревянной коробке.

5

Мы совершили приятную прогулку по главной аллее кладбища к деревушке Пербрайт.

Доброжелательные солдаты в армейском грузовике оказались так добры, что остановились на перекрестке и показали нам дорогу.

- Аббатство Голлингфорд? Вы его не пропустите, - сказали они. - Огромный старый дом. На холме. Перед ним дубовая аллея.

Доггер поблагодарил их, с профессиональным изяществом отдав салют, а они с любопытством ответили.

- Так держать, майор! - прокричал один из них, высунувшись в окно, когда грузовик тронулся с места в клубах пыли и сухих листьев.

Я протерла глаза от налетевшей пыли и, стараясь отовсюду извлекать пользу, констатировала:

- Песчаная почва.

Доггер промокнул уголок моего глаза носовым платком.

– Военные очень любят ее для маневров и стрельбищ, – сказал он. – В былые годы эти края славились своими пустошами и вересковыми полями.

– Странное место для больницы, – заметила я.

– Наоборот. Пербрайт когда-то считалась настолько уединенным местом, что местные жители водили хороводы от радости вокруг любого незнакомца, которого сюда заносило. «Танцы с боровом» – так они это называли.

– Интересно, вокруг нас они тоже будут танцевать?

– Не думаю, – сказал Доггер. – Мир очень изменился.

Я вскинула руки над головой на манер шотландского флинга и закружила вокруг него, словно танцуя между скрещенными мечами.

– Уи! Уи! – верещала я, аккуратно ставя носки.

Доггер изобразил снисходительную улыбку.

– Думаю, что аббатство Голлингфорд впереди.

Его предположение подтвердила скромная табличка. Мы находились у подножья холма, откуда аллея из высоких дубов вела прямо к больнице.

Даже с дороги это здание производило впечатление: деревенский дом в стиле возрожденной готики – сплошь зубчатые стены и острые арки; шпили, стрельчатые окна и турели, фиалы, клинья и пирамиды, ажурные переплетения и ниши, лес высоких строгих каминов; там и сям внимательная горгулья.

В аббатстве Голлингфорд было все это и намного больше. Оно очень напоминало лондонскую железнодорожную станцию, которая однажды ночью при свете луны подхватила свои юбки и сбежала куда-то в пасторальный рай, а теперь ее обнаружили среди полей, где она расположилась с невинным видом, словно говоря: «Кто я?»

– Как ты думаешь, они позволят нам повидать доктора Брокена? – спросила я у Доггера.

– Это будет зависеть от разных факторов.

– От каких? – упорствовала я.

– От нас, – ответил он, открывая передо мной дверь.

Мы вошли в просторный пустой холл. Пол был выложен блестящей квадратной черно-белой плиткой. Здесь пахло воском и еще кое-чем намного менее приятным. Вдалеке виднелся стол, за которым восседала внушительная дама в белом, листающая бумаги или притворяющаяся.

Пока мы шли по огромному вестибюлю, Доггер улучил момент, чтобы провести указательным пальцем по рифленой колонне и внимательно проверить наличие пыли.

Я сразу же поняла, к чему он клонит. По всей видимости, мы санитарные инспекторы и с нами не стоит шутить.

Когда мы приблизились к столу, он извлек из кармана карту, которую для нас нарисовал человек в Бруквуде. Внимательно рассматривая ее, он сделал вид, будто читает:

– Доктор Огастес Брокен, – коротко сказал он. – Здесь есть человек с таким именем?

– Вы родственники? – спросила женщина.

Второй раз за один час нам задавали один и тот же вопрос.

– Нет, – ответил Доггер.

– В таком случае, боюсь, ничем не могу помочь. Всего хорошего.

– Мы – представители дочери доктора Брокена миссис Анастейши Прилл. – Его голос похолодел. – Вы не получили письмо от нее с уведомлением о нашем визите?

– Ну... нет, – заикнулась женщина.

Я видела, что она пожалела о своей резкости.

– Думаю, возможно...

– Меня не интересуют возможности, мадам, – произнес Доггер, и я возликовала. Никогда не видела его таким властным и таким величественным.

Я видела, как она сдается. Это читалось по ее лицу: смягчались жесткие линии у рта, едва заметно расслаблялись мышцы вокруг глаз, медленно, но неуклонно, словно убывающий отлив, опускался подбородок.

– Я наведу справки, – сказала она, и, когда она подняла трубу телефона, мне показалось, что Доггер фыркнул.

После продолжительного разговора с кем-то на другом конце линии, состоявшего преимущественно из «да... да... да... нет... нет...» и так далее, плотно прижимая трубку к уху, чтобы мы ничего не услышали, она отключилась.

– Нельсон, – сказала она, указывая пальцем в небо.

Я непонимающе уставилась на нее. Доггер не пошевелился.

– Нельсон, – повторила она. – Это название крыла. Наверх. Второй этаж. Воспользуйтесь лифтом.

С этими словами она кивнула в сторону древнего устройства, сооруженного на первый взгляд главным образом из проводов и проволоки. Оно напомнило мне какой-нибудь из первых аэропланов, на которых бесстрашные летчики ежедневно рисковали жизнями, не моргнув и глазом.

Мы вошли в кабину, и Доггер передвинул медный рычаг в черном железном механизме. С тревожным скрежетом лифт тронулся с места, и мы с завыванием вознеслись в небеса, словно эскадрон истребителей «Сопвит кэмел»[8 - Sopwith Camel Scout – британский одноместный истребитель времен Первой мировой войны.].

Когда адское устройство со скрипом и содроганием остановилось, мы торопливо вышли в широкий коридор, оказавшийся неожиданно светлым.

Доггер склонил голову перед портретом морского офицера в форме с рукавом, пришитым к синему мундиру, увешанному кричащими орденами.

– Адмирал Нельсон, – промолвил он.

– У него такой вид, как будто он думает об Эмме Гамильтон, а не о военной тактике, – прошептала я. Даффи рассказала мне об этой знаменитой истории любви, после того как они тайком сходили с Фели в кино на «Леди Гамильтон».

– Или о ростбифе, – предположил Доггер.

Короткая прогулка по отражающему эхо коридору привела нас на перепутье: нарисованные на стенах стрелы указывали путь к коридорам А, Б и В.

Куда нам идти?

Проблема разрешилась сама собой, когда к нам торопливо подошла медсестра в накрахмаленной синей с белым форме.

– Да? – произнесла она, вопросительно выгибая бровь.

– Доктор Брокен, – сказал Доггер.

Медсестра по очереди посмотрела нам в глаза.

– Боюсь, вы опоздали. – Она покачала головой, и у меня сердце упало в пятки.

Но Доггер был сделан из более прочного материала.

- Опоздали? - переспросил он, как будто не расслышал.

Медсестра устроила целое представление, подтягивая за шнурок часы, висевшие у нее на груди, и внимательно их изучая.

Это был великолепный спектакль, подчеркнутый бесчисленными проявлениями легкого сомнения, наморщиванием лба и глубокими размышлениями, - спектакль, который на сцене Вест-Энда собрал бы море наград.

- Слишком поздно, - повторила она, отпуская часы. - Время посещения - с одиннадцати до двух часов без исключений. Сейчас половина третьего. Вам придется организовать свой визит в другой день.

- Боюсь, это невозможно, - ответил Доггер и, понизив голос, добавил: - Конфиденциально, это серьезное дело, связанное с законом. Боюсь, все очень спешно. Я представляю дочь доктора Брокена миссис Прилл. Она будет весьма огорчена, если узнает, что нам отказали, после того как мы проделали такой путь.

- А эта юная леди? - спросила она, снова перемещая бровь с места на место.

- Ах, - Доггер покровительственно положил мне руку на плечо, - как я сказал, все очень спешно.

Заворочались шарики и ролики. Кем я могу быть? Очевидно, что я не барристер и не солиситор. Кто же тогда? Внучка? Наследница? Ребенок, которого можно использовать для переливания крови?

Я видела, как медсестра мысленно перебирает варианты.

- Палата тридцать семь, - сказала она. - По этому коридору налево. Десять минут. И ни секундой больше.

В тридцать седьмой палате были липкий линолеум и тошнотворно зеленые стены. Воздух можно было резать ножом; я чувствовала, как он забивается в поры. Судя по удушливой атмосфере, двери и окна здесь не открывались отродясь.

Перед окном в «крылатом» кресле сидел древний старик, хотя нельзя было сказать, что он смотрит вдаль.

Его нижняя челюсть отвисла под действием силы тяжести, и я бы поклялась, что он мертв, если бы в его стеклянных глазах не бился пульс. Кожа выглядела так, как будто ее сняли, смяли в шар, как пожелтевшую папиросную бумагу, а потом грубо расправили и натянули обратно.

– Доктор Брокен? – сказал Доггер.

Ответа не было.

– Я сказал вашей дочери, что загляну к вам.

Старик не пошевелил ни единой мышцей. Может быть, миссис Прилл права: ее отец не в своем уме.

Я поймала взгляд Доггера и покачала головой.

Доггер бережно взял старика за ладонь.

Как мило, подумала я. Утешительная сила человеческого прикосновения.

Старик дернулся и продолжил смотреть в никуда.

– Время для лекарства, доктор Брокен, – продолжил Доггер, доставая из кармана зеленую стеклянную пирамидку, в которой, судя по этикетке, был какой-то медицинский препарат.

Из другого кармана он извлек ложку.

Открывая бутылочку странной формы и наливая в ложку темную жидкость, он пробормотал, словно обращаясь ко мне: «Бальзамический электуарий Брокена. Здесь много опиума».

А потом добавил громче:

– Откройте рот, доктор Брокен.

Если бы я не ждала этого, могла бы не увидеть. Рот доктора Брокена плотно закрылся: едва заметное движение, буквально на волосок, но тем не менее внимательный глаз смог его уловить.

– Примите ваше лекарство, доктор Брокен, – спокойно сказал Доггер, – или мне придется послать за миссис Прилл.

Древние глаза едва заметно двинулись, перемещая взгляд на один-два градуса, как будто с непривычки, пока наконец он не посмотрел мне в глаза.

Древний язык высунулся и облизал древние губы.

Доггер не шевелился, держа ложку.

– Ваша дочь рассказала нам о письмах, – сказал он доктору. – Необходимости в секретах больше нет. Кто их написал?

Дрожь зародилась в старческих пальцах и постепенно поднялась по локтям и плечам. Через несколько секунд в уголке глаза выступила слеза.

Доктор Брокен плакал.

– Только имя, доктор. Скажите имя, и мы уйдем.

С этими словами Доггер наклонился так, что его ухо оказалось напротив губ старика.

Ответом была только струйка слюны.

Доггер бережно протер рот доктора белым носовым платком.

– Только имя, – повторил он таким нежным голосом, что я не поверила своим ушам, таким голосом можно убаюкивать ребенка после ночного кошмара. – Только имя. Будьте хорошим мальчиком.

Рот доктора Брокена задергался, губы втянулись и задрожали.

– Протей, – прошептал он.

– Протей, – повторил Доггер, поворачиваясь ко мне. – Мисс Черчилль, запишите, будьте добры.

Мисс Черчилль? Как умно, я подыграю.

Я сделала вид, что ищу блокнот, и сделала запись на ладони воображаемым карандашом.

– Оригинальный подход, доктор, – сказал Доггер старому джентльмену. – Поздравляю.

И он снова обратился ко мне: «Протей – древнегреческий бог, который, как считалось, знает все – прошлое, настоящее и будущее, но не хочет ничем делиться. Мог принимать любую форму, какую пожелает. Единственный способ получить от него информацию – испугать его во время сна. Как умно с вашей стороны подумать об этом, доктор Брокен. Очень умно. А теперь...»

Ложка снова шевельнулась, неумолимо двигаясь по направлению ко рту доктора. В воздухе остро запахло бальзамом и чем-то еще.

Отворачивая голову и вяло трепыхаясь, старик выдавил из себя имя вместе с пузырями слюны:

– Гавриил!

– Благодарю, – сказал Доггер. – Всего хорошего.

Вылив содержимое ложки на растущий поблизости азиатский ландыш, он завернул ее вместе с бутылочкой в тот же испачканный носовой платок, которым он утирал рот старика, а потом прошествовал к выходу.

Я, естественно, последовала за ним.

– Как ты его заставил, Доггер? – спросила я, пытаюсь собраться с мыслями.

Мы медленно шли на вокзал в Бруквуде.

– Его выдали глаза, – сказал Доггер. – С учетом его предполагаемого состояния можно было бы ожидать расширенные значки, но нет, ничего подобного.

– Симуляция? – любопытствовала я. Припоминаю, что Шерлок Холмс собирался написать монографию на эту тему.

– Именно, – подтвердил Доггер. – Имитация несуществующей болезни. И должен признать, он играет в эту игру весьма успешно. Вопрос был в том, чтобы вывести его на чистую воду.

– Ты выкурил его! – Я захлопала в ладошки. – Интересно, почему никому другому это не пришло в голову?

– Может, потому, что это не в их интересах. Большие деньги могут купить очень плохое зрение.

– Но не в нашем случае!

Доггер улыбнулся.

– Ноготь большого пальца, если сильно надавить им под указательный ноготь якобы бессознательного человека, может оказаться весьма полезным орудием расследования.

– Мы открываем новые просторы в криминалистике! – гордо сказала я, прикасаясь к его рукаву.

– Не совсем, – возразил Доггер. – Тем не менее, как говорил Фрэнсис Бэкон, превзойти Аристотеля светом самого Аристотеля – значит, думать, что чужой свет может усилить собственный. Он имел в виду, что мы должны сами зажечь спичку и погрузиться в собственную тьму.

– Мы должны быть готовы к импровизации! – сказала я. Эта мысль неоднократно посещала меня в химической лаборатории.

– Если мы хотим быть наравне с доктором Брокеном, да, должны, – согласился Доггер. – Его слова о том, что письма написал Гавриил, чрезвычайно важны.

– Боюсь, я не понимаю, – призналась я.

– Сначала он сказал, что их написал Протей, морской бог. Потом Гавриил, ангел, известный тем, что он провозвестил рождение Христа. Две вещи абсолютно ясны: он говорит неправду и за его фасадом беспомощности таится активный и изощренный ум. Наш доктор Брокен – необыкновенно хитрый тип.

Некоторое время мы шли в молчании. Слова Доггера врезались мне в память.

– Доггер, – заговорила я, – могу я кое о чем тебя спросить? Надеюсь, что это не дерзость.

Этот вопрос я хотела задать ему уже много лет, но до сих пор не подворачивался подходящий момент.

– Разумеется, мисс Флавия.

Я собралась с духом. Это будет нелегко.

– Ты веришь в ангелов? – выпалила я и сразу же пожалела об этом. Слишком личный вопрос. Не мое это дело.

Время жутко замедлилось.

Я прикусила язык, и тут Доггер ответил:

– Да, верю, абсолютно серьезно. Конечно, они невидимы, но мы, люди, знаем их как мысли.

Где-то кусочек вселенной встал на место, и день прояснился. Жизнь никогда не будет прежней.

– Благодарю тебя, Доггер, – сказала я. – Я всегда это подозревала.

И мы рассмеялись.

6

Как обещала своим пассажирам, во всяком случае живым, сто лет назад лондонская железная дорога «Некрополь», мы вернулись домой к чаю.

Кларенс Мунди встретил нас на вокзале и отвез в Букшоу. Миссис Мюллет ждала нас в дверях.

– Вы разминулись буквально на секунду, – сказала она. – Эта женщина снова явилась. Я сказала, что вас нет, но она ворвалась в дом. Сказала, мол, прошлый раз забыла кошелек.

– Она нашла его? – поинтересовался Доггер.

– Нет. Но я все время за ней присматривала.

– Она оставила записку? – спросила я.

– Нет. Твердила, что ей нужно повидать вас и мистера Доггера. Не верила, что вас нет. Должно быть, думала, я прячу вас за плитой или что-то вроде. Хочет, чтобы вы явились к ней немедленно. Немедля, только подумайте! Я не сводила глаз с ее пальцев, но она ничего не касалась. Жизнью клянусь.

– Отлично, миссис Мюллет, – сказал Доггер. – Прекрасная работа. Вы составите нам компанию на чашку чаю, перед тем как мы уедем?

Судя по выражению лица, миссис Мюллет только что сделали царицей небесной.

С блаженной улыбкой она наливала чай, придерживая указательным пальцем крышечку заварочного чайника, чтобы она не опрокинулась никому на колени, и протягивала сахар с таким видом, будто это боевые патроны. С тихой гордостью нарезала викторианский бисквит[9 - Викторианский бисквит, или Торт королевы Виктории, – торт из бисквитного теста, слои которого смазаны вареньем.] и передавала куски.

– Я позвала мисс Дафну, но она сказала, что не хочет. Уткнулась в книгу. Странное название «У лис». Автор – какая-то Джойс[10 - Миссис Мюллет имеет в виду роман Джеймса Джойса «Улисс»]. Ну что поделать? Не дадим пропасть ее порции. Угощайся, милочка.

Наевшись до отвала и напившись горячего чаю, мы сели в «роллс-ройс» моей покойной матери Харриет и поехали в Бальзам-коттедж в Минсинг. После того как автомобиль много лет простоял неиспользуемым в каретном сарае, Доггер постепенно привел его в идеальное состояние.

– Мы изучим пустой ящик, – сказал мне Доггер, – и запишем все, что нам покажется интересным в доме.

– О'кей, – сказала я. – Это американское выражение, которому я научилась у Карла Пендраки, показалось мне очень уместным в данных обстоятельствах. – Ты подозреваешь, она знает, что мы знаем? Имею в виду, о письмах, которые на самом деле не украдены?

– Мы должны предполагать, что да. Рыбак рыбака видит издалека.

- Лжецы узнают лжецов, – сказала я.

- Именно, – подтвердил Доггер.

- Тогда зачем, – удивилась я, – она снова приехала в Букшоу?

- На ум приходят две причины: укрепить свою выдумку и узнать, что мы смогли выяснить. Склоняюсь ко второй.

Я тоже. Я и сама изрядная притворщица. Ладно-ладно, когда требуют обстоятельства, я могу быть ужасной врунишкой, поэтому отлично знаю стремление лжеца латать и приукрашивать правду, пока она будет выглядеть как победитель соревнования на лучшее кухонное полотенце на церковном празднике.

Ложь и работа с иглой имеют много общего.

Погрузившись в свои мысли, я не заметила, что мы уже в Минсинге и подъезжаем к Бальзам-коттеджу.

Я поняла, что это он, потому что на одной из каменных колонн у начала подъездной дорожки висела скромная табличка.

Дом не был виден, он прятался за плотной изгородью из хвойных деревьев.

- Пихты бальзамические, – сказал Доггер, заметив направление моего взгляда. – *Abies balsamea*. Наверняка привезены из Северной Америки за огромные деньги. Источник состояния доктора Брокена.

- Бальзамический электуарий Брокена! – сказала я. – Та бутылочка у тебя с собой?

Доггер засунул руку глубоко в карман пальто, извлек носовой платок и аккуратно его развернул.

- Липкая штука, – сказал он. – Должен сознаться, что он не настоящий. Я приготовил его на плите, взял росный ладан и алое из аптечки. Если бы добрый

доктор по глупости проглотил бы его, то обнаружил, что зелье ужасно на вкус.

– Алое? – переспросила я. – Разве это не препарат, который доктор Дарби дает миссис Галл, чтобы отучить от сосания пальца?

Нет нужды добавлять, что он не помогал, поскольку Грегори, старший сын миссис Галл, которому уже почти двадцать лет, до сих пор имеет привычку бродить по окрестностям Бишоп-Лейси, засунув большой палец в рот.

«Деревенская трагедия чистой воды», называет это Даффи.

– Он самый, – подтвердил Доггер. – Противогрибковый, антибактериальный, противовоспалительный и еще помогает лошадям от поноса. Алое – лекарство от всех болезней в чемоданчике любого доктора.

Разумеется, я знала, что химически алое можно определить с помощью буры, раствора брома или азотной кислоты, которые в сочетании дают соответственно зеленое свечение, бледно-желтый осадок или желтовато-коричневую жидкость, быстро становящуюся ярко-зеленой. Он может содержать алоин – вещество, название которого я всегда могу вспомнить, подумав о Гавайских, или, как их раньше называли, Сэндвичских, островах.

Мы вышли из «роллс-ройса», припаркованного на траве рядом с воротами, и пошли по засыпанной гравием дорожке.

Прячущийся в тени больших деревьев дом был виден не сразу. Он показывался нам частями, по мере того как мы приближались: то выглянет окно, то фронтоны, то кусок дерева.

И в довершение всего Бальзам-коттедж оказался вовсе не коттеджем, а скорее двухэтажным зданием в стиле «Искусств и ремесел» – местом, построенным плотниками, которые освоили ремесло, изучая приземистые шале в Швейцарских Альпах. Повсюду дерево, гипс и известка – этот дом просто излучал респектабельность.

– То, чего и следовало ожидать, – сказал Доггер, читая мои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее стихи в переводе М. Савченко, если не указано иное.

2

Церковный гимн.

3

Воистину подпорчена. Синг-Синг – это американская тюрьма особо строгого режима. Нетрудно догадаться, на что намекает отвергнутый поклонник Фели.

4

Gute Nacht – «Доброй ночи», Winterreise – «Зимний путь» (пер. с нем.).

5

Игра слов. По латыни luce – это свет.

6

Речь идет о преступлениях Уильяма Берка и Уильяма Хейра. В 1827–1828-х годах они совершили шестнадцать убийств, продавая трупы своих жертв хирургу для опытов.

7

Диссентеры – протестанты.

8

Sopwith Camel Scout – британский одноместный истребитель времен Первой мировой войны.

9

Викторианский бисквит, или Торт королевы Виктории, – торт из бисквитного теста, слои которого смазаны вареньем.

Миссис Мюллет имеет в виду роман Джеймса Джойса «Улисс».

Купить: <https://tellnovel.com/alan-bredli/krasavic-mertvyh-lokony-zlatye>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)